

ЗВЁЗДНЫЙ ПОРТАЛ

НИК.ГОРЬКАВЫЙ

КУРЬЕР-619

(ЮПИТЕР — ЧЕЛЯБИНСК)

Астровитянка

Николай Горькавый

Курьер-619 (Юпитер – Челябинск)

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Горькавый Н. Н.

Курьер-619 (Юпитер – Челябинск) / Н. Н. Горькавый —
«Издательство АСТ», 2021 — (Астровитянка)

ISBN 978-5-17-112353-6

Юный пилот Джер Брен доставляет ценный груз на заброшенную научную базу в системе Юпитера. Обычный рейс оборачивается чередой невероятных приключений и трудных испытаний. Джеру необходимо спасти марсианскую принцессу от врагов, а на планету Земля с бешеной скоростью надвигается огромный астероид... Полагаясь только на свои силы и на советы ехидного киберштурмана, Курьер-619 идет на риск. Ведь будущее зависит от нас! Необходимо бороться и искать, найти и не сдаваться!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-112353-6

© Горькавый Н. Н., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	40
Часть 2	45
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ник. Горькавый Курьер-619

Звездный портал).

© Ник. Горькавый, 2021

© Татьяна Веряйская, ил. на обл., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Никоlette из Теннисон-хаус

Часть 1

Европа – Юпитер

Глава 1

Курьер-619

15 января 2252 года

Светлый шар Европы походил на огромное страусиное яйцо, которое безумный гигант колотил до тех пор, пока оно не покрылось многочисленными трещинами. Потом великан-пси-хопат вытащил револьвер чудовищных размеров и расстрелял злополучное яйцо, покрыв его скорлупу дырками кратеров. Эта потрескавшаяся и продырявленная сфера заполняла сейчас половину носового иллюминатора корабля-курьера «Солнечный заяц».

До сближения еще оставалось время – и Джер перевел взгляд на полосатый шар Юпитера, висающий сбоку от Европы. Бока бога-громовержца были изрисованы спиралями и волнами атмосферных течений, отчего олимпиец Юпитер напоминал несолидно татуированного индейского божка. Мутно-оранжевый гигант недобро следил за крошечным корабликом сразу несколькими атмосферными вихрями-глазами.

Джер впервые доставлял посылку в систему Юпитера. Собственно, тут некому было доставлять: возле Юпитера никто не жил. Слишком далеко от Земли, слишком высокая радиация из-за частиц солнечного ветра, пойманных мощной магнитосферой планеты-гиганта и лихорадочно мечущихся по спиралям вдоль силовых линий. Но приказ есть приказ: Джера внезапно сдернули с привычных астероидных трасс и велели двигаться на максимальном ускорении к юпитерианскому спутнику с земным названием «Европа». Обещали хорошие премиальные, если Джер как можно быстрее доставит посылку – громоздкий металлический ящик с неизвестным ему, но очень ценным и хрупким содержимым. Если же груз не будет доставлен в срок... – на угрозы начальство тоже не поспешило.

Джер старался, шел всю дорогу на четырех g^1 , выдохся как бобик, но успел. И корабль не подвел – даже электроника по левому борту не закапризничала, как обычно. Джер любил свой курьер, этот межпланетный скоростной кузнечик: он был его домом, работой и жизнью. Эффектная фотография «Солнечного зайца», который, сверкая никелированными плоскостями, снижался над красноватым полем марсианского космодрома, всегда висела над пультом управления.

Мелодичный женский голос сказал:

– Джер, приготовься к ручной посадке.

Юноша не поверил своим ушам:

– Здесь нет диспетчера посадок?

Голос подтвердил:

– И не было никогда.

– В такую дыру мы еще никогда не прилетали, Энн!

– Все когда-нибудь бывает впервые, милый Джер! Я, конечно, готова сама состыковаться, но, по правилам, при отсутствии диспетчера посадок ты отвечаешь за приземление.

– Ладно, это чистая формальность! – махнул рукой Джер. – Найди, где тут можно причалить, и садись.

¹ G – ускорение свободного падения.

Поверхность Европы приблизилась, и на ее сияющем боку стала видна научная база – нагромождение непонятных конусов, кубов и полусфер. На куполах были видны следы метеоритных ударов (постарался великан!), а вот признаков ремонта не наблюдалось. Сторона одного куба оказалась разворочена сильным взрывом.

– Полная разруха – тут явно никто не живет! – воскликнул Джер.

– Да, но сейчас здесь работает экспедиция Института астрофизических проблем. Мы доставляем посылку ее начальнику – профессору Леонардо Мамаеву. Я уже послала ему сообщение. Нас встретят.

– Где они тут поселились?

– Не знаю, но выбора места посадки у нас нет: главный универсальный шлюз занят экспедиционным кораблем, остальные шлюзы для нас слишком велики, поэтому будем причаливать на краю базы. Возле купола обсерватории есть подходящий для нас малый переходник.

Энн медленно подруливала к выбранному шлюзу, спрятавшемуся в густой тени большого купола, а Джер внимательно следил за посадкой, готовый в любой момент перехватить управление. Правила все-таки.

Корабль, приземляясь, целиком утонул в чернильной тени купола.

Энн обвела лучом прожектора вокруг корабля. Следы станционной разрухи вблизи стали еще заметнее, да и посадочный модуль, изъеденный временем и метеоритами, не внушал доверия. Но Энн сумела вытянуть хобот выдвижного шлюза и плотно обхватить кольцо причального колодца, торчащего посреди бетонной площадки. Она еще немного повозилась, проклеивая стык, а потом доложила:

– Все в порядке: атмосфера на станции есть, так что можно дышать без скафандра. Но взять его с собой, конечно, надо.

– Конечно! – ворчливо заметил Джер. – Правила!

Он расправил помятую униформу пилота, взвалил на одно плечо рюкзак со скафандром, а на другое – сумку с личными вещами и служебными документами и подошел к люку. Гравитация на Европе была слабой, но позволяла ходить, а не летать вприпрыжку.

Люк с лязганьем открылся – и Джер вывалился в приемный тоннель. Он летел до пола так долго, что успел рассмотреть ржавые стены посадочного шлюза, а также кучи камней и мусора, которые виднелись тут и там в коридорах станции.

Юноша sprужинил ногами и выпрямился. Магнитные подошвы держали прочно, несмотря на густую пыль, покрывавшую пол. Над головой горели тусклые лампы: видимо, Энн сумела с кем-то договориться, и их включили.

Джер чувствовал себя как герой космической оперы, который попал на заброшенную планету. На таких станциях-призраках он еще не бывал. В какую сторону надо идти, чтобы найти экспедицию профессора Мамаева?

От места, где стоял в растерянности Джер, тянулись три коридора. Свет горел в левом из них, а два терялись в темноте. Юноша включил фонарик и посветил сначала в один темный ход, потом – в другой. В первом виднелись какие-то высокие ящики, во втором громоздились куски льда, вывалившиеся из разорванной стены. В ближайшей нише стоял робот-ремонтник с погасшими глазами: или батареи давно сели, или окружающая разруха считалась здесь нормой и не вызвала у киберов прилива активности.

Остро пахло какой-то химией, камнем и ржавчиной. Несмотря на включенный на полную мощность подогрев комбинезона, было очень холодно, неудобно, даже жутковато. Дыхание сразу превращалось в пар, который не спеша расплывался вокруг.

– Энн, ты говорила, что нас ждут! – крикнул Джер. – И где эти встречающие?

Энн насмешливо сказала сверху:

– Держись, Джер, помощь уже в пути!

– Язва, – проворчал юный капитан курьера, настороженно водя глазами за быстро мечущимся лучом фонарика. Но Энн оказалась права: в освещенном коридоре слышались торопливые шаги – и в конце показалась невысокая девичья фигура.

Девушка шла по коридору – и тусклые лампы на потолке поочередно освещали ее лицо. Это лицо испытывало удивительные превращения: оно входило в круг света юным, потом на нем появлялись тени, которые его быстро старили, пока оно совсем не терялось в сумраке между двух ламп. Но в новом круге света это лицо становилось снова молодым и красивым – и его черты с очередным мгновением и с каждой новой лампой становились все ближе и отчетливее.

Через несколько секунд перед Джером появилась девчонка в обтягивающем черном комбинезоне с изрядно испачканным правым рукавом. Ее коротко подстриженные волосы были странного цвета – пепельно-русого.

Джер очнулся и задышал.

– Привет! – сказала девчонка. – Меня зовут Николетта! Я не знала, что вы так далеко причалились.

«Почему-то я так и думал, что здесь меня встретит не обычный Том или Джек, а какая-нибудь Джеральдина или Николетта. У меня снова богатенькие клиенты!» – мысленно вздохнул пилот.

– Здравствуйте, мэ. Я – Джер, курьер номер шестьсот девятнадцать, – ответил он, следуя всемогущим и вездесущим правилам.

– Какой ты... молодой! – с удивлением сказала Николетта. – Тебе же лет пятнадцать?

– Шестнадцать лет и два месяца, – по-военному четко ответил Джер. – Как мне найти профессора Мамаева? У меня для него посылка.

– Я провожу, – сказала девчонка. – А где остальные?

– Кто? – не понял Джер.

– Ну, те, кто вел корабль.

– Я пилот этого курьера, мэ, – сказал Джер.

Это поразило девчонку.

– Да? И давно ты водишь космические суда?

– Два года и два месяца, мэ, – снова четко и кратко ответил Джер.

– Ничего не понимаю, – пожала плечами Николетта. – В четырнадцать лет тебе доверили корабль? Ладно, пошли к профессору.

– Хорошо тебе отдохнуть, Джер! – с легкой иронией пропел сверху мелодичный девичий голос.

– А это кто? – встрепелась Николетта.

– Это компьютер моего корабля, – сказал Джер. – Он не любит выходить, мэ.

Он позволил себе шутку, но не позволил шутливого тона, поэтому девчонка с недоумением посмотрела на него, помедлила – и повернулась в сторону коридора, откуда пришла.

Они двинулись по проходу, который был так узок, что им пришлось идти друг за другом. Джер шел следом за Николеттой – и ее фигура невольно притягивала его взгляд. В ней так удачно сочетались стройности с округлостями... Поэтому, когда они попали в более широкий коридор и Николетта пошла рядом, Джер почувствовал сожаление.

– Где ты летаешь на своем корабле? – спросила Николетта.

– Обычно в поясе астероидов, мэ. Чаще всего между Церерой, Палладой и Вестой. Пять раз доставлял грузы на Марс, и два раза – на Луну.

– А где ты жил на Земле? – спросила Николетта.

– Я родился на Марсе, мэ. На Земле мне не довелось побывать.

Джеру ужасно хотелось увидеть легендарную Землю с двадцатью миллиардами людей, живущих в немыслимой тесноте – буквально на головах друг у друга, но он был не властен над своей судьбой курьера.

– Где же готовят таких пилотов-молокососов? – спросила Николетта.

Вдруг ее голос куда-то уплыл – и все вокруг потемнело. Джер отрубился.

Когда он пришел в себя, то лежал на полу и над ним маячило перепуганное лицо Николетты. Она смотрела на него круглыми глазами и кричала в наручный переговорник:

– Дедушка, он потерял сознание! У него кровь из носу хлещет!

Из переговорника донеслось:

– Я сейчас приду, только отключу аппаратуру!

Джер быстро сказал, медленно поднимаясь и борясь с головокружением и тошнотой:

– Мэм... сэр... пожалуйста, не волнуйтесь. Это совершенно нормально, сейчас все пройдет.

Он встал и прижал к носу салфетку, которая всегда была наготове в боковом кармашке комбинезона. Вытащив пузырек с таблетками – тоже всегда под рукой, – он забросил в рот сразу две пилюли.

Ему было чертовски неприятно за свою слабость: брякнулся на пол прямо при симпатичной девчонке. Ее имя четырехсложное, значит, она из фоуров – самого элитного слоя общества, что полностью исключало какие-либо взаимоотношения, даже простое приятие, с Джером, принадлежащим к подвальному этажу социума, вместе с другими моно – мусорщиками и водопроводчиками. В сказках принцессы нередко влюбляются в свинопасов, но именно поэтому такие истории и зовутся сказками. Между классами «моно» и «фоуров» была не пропасть, а две пропасти: в них располагались «дихтоны», или «дины», – средней руки фермеры и клерки с двухсложными именами, а также «триплеты» или «триты» – начальники полиции и владельцы модных ресторанов, власть или доходы которых позволяли носить имена из трех слогов. Тем не менее Джер был свирепо раздосадован обмороком – именно из-за своей гордости обитателя социальных низов. Но он слишком долго летел на четырех g...

Не отнимая платок от кровоточащего носа, он забросил упавший рюкзак на спину и сделал жест Николетте, приглашая продолжить их путь. Она с тревогой посмотрела на него и снова зашагала по коридору.

Когда они подходили к кают-компанию, Джер заметил дверь в туалет – и молча указал на нее, все еще держа платок у лица. Николетта энергично закивала головой и махнула рукой на приоткрытую дверь:

– Приходи потом в кают-компанию, где работает профессор Мамаев. Это мой дедушка.

Джер с наслаждением умылся ледяной водой, хотя она имела отчетливый силикатный запах, и убедился, что кровотечение прекратилось. Он посмотрел в зеркало, где отразилась его тощая физиономия с серо-зелеными глазами, провел рукой по отросшему ежику, нахлобучил на него форменную фуражку и вышел в коридор.

Хотя дверь в кают-компанию была приоткрыта, он вежливо постучал.

– Заходи! – сказал мужской голос со старческой дребезжинкой.

Джер вошел и зажмурился от яркого света, слишком резкого после полутемного коридора. Когда его глаза адаптировались, он рассмотрел присутствующих: возле Николетты стоял невысокий костлявый старик с абсолютно седыми длинными волосами. Молодой полный мужчина сидел в углу, уткнувшись в большой экран, спиной к остальному миру. Мужчина даже не повернул наголо бритую голову, чтобы посмотреть на вновь прибывшего.

Пилот легко вычислил, кто из присутствующих профессор Мамаев, и сказал:

– Здравствуйте! Я – Джер, курьер номер шестьсот девятнадцать. Сэр, вам посылка!

Он протянул профессору красивую радужную накладную. Тот взял ее, быстро просмотрел и бросил на стол, уже заваленный какими-то листами, электронными деталями и кибер-планшетами.

– Хочешь есть, Джер? – внезапно спросил он.

Юноша невольно слотнул слюну. Он ел очень давно, даже при условии, что обогащенный сок из трубочки в противоперегрузочной ванне можно оптимистично называть едой. Обычно после рейса он покупал в космопорту и быстро проглатывал сэндвич гигантских размеров, но на Европе никаких ресторанов не наблюдалось – ни европейских, ни азиатских.

Профессор Мамаев все понял и сказал:

– Пошли, мы как раз собирались ужинать. Витторио, подежурить еще часок? – сказал профессор, обращаясь к молодому мужчине. Тот кивнул не оборачиваясь.

Они перешли в соседний отсек, который оказался просторной столовой с киберкухней. Из микроволнового шкафа профессор вытащил тарелки с разлапистыми зажаренными кусками мяса, с горкой картофельного пюре и зеленым горошком – и расставил их на столе.

Джер сбросил свои сумки в угол, едва дождался, пока все сядут за стол – и набросился на еду. Он проглотил половину еды с тарелки – и только тогда вспомнил, что нормальные люди еду обычно запивают. Он покосился на бутылки с пивом, но налил себе минеральной воды.

«Как хорошо!» – подумал он, доев все дочиста и откидываясь на стуле, и вдруг заметил, что профессор с Николеттой внимательно и удивленно смотрят на него. Содержимое их тарелок было едва тронут. Джер в панике подумал: не сделал ли он чего-то неприличного за столом? Может, он рвал мясо руками или кровожадно рычал при этом? Но ничего такого не припоминалось: Джер всегда старался есть аккуратно. На всякий случай он сказал:

– Спасибо за еду, я умирал с голоду.

– Мне кажется, это не просто фигура речи, – сказала Николетта. – Дедушка, ты бы видел, как он отключился в коридоре – бледный как смерть. И кровь на лице.

Джер встрепенулся:

– Это совершенно обычная ситуация, когда попадаешь в слабую гравитацию после длительных перегрузок. Не волнуйтесь, мэм, здесь нет ничего чрезвычайного.

– То есть это обычное дело в твоей профессии – хлопаться в обморок после полета? – хмыкнула Николетта. – Дедушка, как таким пацанам доверяют космический корабль? Он моложе меня на полгода!

– Мальчики-пилоты – это интересная и грустная история, – сказал профессор Мамаев. – Когда-то корабли-курьеры были полностью автоматическими. Но космические хакеры часто взламывали кибермозг таких курьеров, перехватывали управление – и корабль вместе с грузом попадал в руки преступников. Тогда на корабли-курьеры стали сажать пилота: в случае хакерской атаки он брал управление на себя и не давал кораблю уйти с курса. Это было эффективной, но дорогостоящей мерой: присутствие пилота сильно удорожало доставку. Кроме того, взрослые люди плохо переносят сильные перегрузки. Поэтому в корабли-курьеры стали нанимать вот таких мальчишек. Они легче выдерживают длительную перегрузку и обходятся гораздо дешевле.

– Да, я свидетель – как легко они переносят эти перегрузки, – с сарказмом сказала Николетта и повернулась к Джеру. – Значит, корабль летит сам – ты там только дежуришь.

Юный пилот пожал плечами:

– Такова ситуация на всех космических линиях, мэм. Человек всегда лишь страхует действия автоматического штурмана. Но пилоты курьеров должны уметь вручную пилотировать корабль от старта до посадки – ведь никогда не известно, насколько повредит корабельный мозг хакерская атака.

– И часто ты подвергался таким атакам? – недоверчиво уточнила Николетта.

– Два раза, мэм, – помедлив, ответил Джер, решивший, что этим ответом он не выдает какую-нибудь служебную тайну.

– Ух ты! – восхитилась Николетта. – До какого возраста вы летаете, если взрослым уже трудно переносить перегрузки?

– До девятнадцати лет, мэм, – коротко ответил пилот.

Николетта повернулась к дедушке:

– Почему ты сказал, что это грустная история? Что они так мало летают?

– Потому что каждый третий пилот-курьер, выходящий в отставку в девятнадцать лет, оказывается инвалидом, – ответил дедушка. – А кто-то просто погибает от постоянных перегрузок в течение пятилетней службы.

– Сколько вас умирает к девятнадцати годам? – с круглыми глазами Николетта повернулась к Джеру.

Тот быстро ответил:

– Я не знаю, мэм.

Он соврал. Каждый восьмой. «Короткое имя, короткая стрижка, короткая жизнь» – так с горечью говорят моно про себя. Но им запрещено обсуждать такие вопросы с клиентами.

– Ты лжешь, – уверенно сказала Николетта. – Наверное, пилоты часто умирают от инсультов и инфарктов. Сосуды мозга или сердца не выдерживают перегрузок.

Так оно и было, но Джер не стал комментировать эту реплику девушки. Николетта снова повернулась к профессору:

– Дедушка, но за такой риск они должны получать большие деньги!

– Нет. Обрати внимание на односложное имя нашего гостя. Значит, он выходец из малообеспеченных слоев населения. Именно из моно-касты набираются мальчишки-курьеры – и платят им гроши по сравнению с зарплатой обычных пилотов.

– Но это же несправедливо! – возмутилась Николетта.

– Конечно, – согласился профессор. – Как и многое в этой жизни.

Джер помалкивал, потягивая уже вторую кружку кофе. Он подумал о тех своих друзьях, которые не смогли выдержать экзамен на пилота курьера и получили гораздо более скромные места уборщиков и официантов в дешевых ресторанчиках. Богачам из верхнего слоя социальной страты никогда не понять проблем бедняков из полуподвальных слоев.

Николетта с прищуром посмотрела на отдыхающего пилота и сказала:

– Дедушка, этот парень не похож на придурковатых неучей из бедных кварталов. Я думаю, он притворяется простаком специально для нас: «Да, мэм... Нет, сэр».

– Я думаю, это его право – представляться так, как он считает нужным. А скорее всего – это правило курьерской компании: быть с клиентами вежливым и немногословным.

– Вот еще, – капризно заявила Николетта. – Плевала я на эти правила. Главное в любом сервисе – угодить клиенту. Вот и пусть угождает мне! Иначе мы напишем в его компанию плохой отзыв.

Пилот встревожился. От такой взбалмошной фоур-девчонки можно было ожидать чего угодно. В истории курьерской службы были прецеденты весьма плачевные для провинившегося. Один из мальчишек-курьеров, заходя в дом фоуров с объемистой посылкой в обнимку, нечаянно наступил кошке на хвост – и был немедленно уволен, хотя с хозяйской любимицей ничего трагичного не случилось. Ну, мявкнула обиженно разок.

Такие роковые доставки, финальные в карьере пилотов, на жаргоне курьеров назывались «полный аут».

– Извините, мэм, – осторожно сказал юноша, пытаясь понять, как не наступить кошке на хвост. – Что вы конкретно хотите?

– Николетта, прекрати, – сказал профессор. – Человек только что совершил длинный перелет, а ты его мучаешь.

– Ничего, он уже поел и набрался сил, – отмахнулась от деда Николетта, которая, видимо, привыкла потакать своим капризам. Она повернулась к Джеру и приказала:

– Я хочу, чтобы ты называл меня не мэм, а Николеттой и на ты, а дедушку – не сэром, а просто Леонардо. А самое главное – я хочу, чтобы ты отвечал на мои вопросы без вранья и не прикидывался истуканом. Лучше прикинься таким умным, каким только сможешь! – надменно заявила она.

Джер помедлил секунду, потом неуверенно сказал:

– Николетта, я улетаю завтра утром и по правилам курьерской службы должен отдохнуть перед новым полетом. Боюсь, я не успею принять участие в этой увлекательной игре.

В разговор вмешался профессор:

– Джер, ты уж прости мою внучку: она тут сидит уже два месяца и совершенно одичала от безлюдья. Ты для нее – как новая игрушка для заскучавшего ребенка.

– Значит, скоро я буду заброшен в угол с оторванной лапой? – спросил серьезно юноша.

– Ты видишь, дедушка? – радостно сказала Николетта. – Он совсем не такой уж олух, какого из себя изображает.

Профессор кивнул.

– Во-первых, Джер, я доволен твоей быстрой доставкой и уже отправил в курьерскую компанию сообщение об этом. Во-вторых, ты сам решай – ходить ли тебе в маске бравого слугаки или снять ее на время... если она тебе немного жмет... Ты можешь говорить совершенно откровенно в этих стенах обо всем, о чем думаешь, – это никак не отразится на твоём послужном списке. Мы, знаешь ли, хоть и «фоуры», но демократы. В-третьих, ты завтра не улетаешь. Ты останешься ждать обратной посылки. Время простоя будет оплачено – я уже договорился с твоей компанией.

Это был сюрприз! Джер спросил:

– Сколько мне нужно будет ждать?

Профессор пожал плечами:

– Месяц, – может, немного больше. Через тридцать дней у нас будет решающий эксперимент. Вот сообщение от твоих боссов.

Пилот взял планшет и прочитал безоговорочный приказ оставаться в распоряжении профессора Мамаева столько, сколько тот сочтет нужным. Юноша вернул планшет и только тут понял, что ему предстоит провести с этой кошмарной девчонкой целый месяц. Да за это время она поотрывает у него все плюшевые лапы, а когда они закончатся – то еще и уши! Потом глазки-пуговицы выковырнет, как изюм из булки, – и закажет из них клипсы.

Джер посмотрел на Николетту, голубые глаза которой торжествующе сверкали.

– Вот так-то! – сказала она. – Учти – это дедушка такой добрый. Я же злая как змея! Хоть раз соврешь или притворишься тупицей – тут же напишу жалобу в твою компанию, что ты ко мне приставал и даже украл мой лифчик!

Пилот в ужасе посмотрел на профессора Мамаева. Тот лишь улыбался.

– Не надо писать жалоб... – выдавил из себя Джер. – Я постараюсь честно отвечать на все вопросы, если они не касаются служебных секретов...

– Тогда отвечай! – приказала Николетта. – Тебе что, не нравятся девчонки с четырехсложными именами?

«То есть богатенькие...» – перевел юноша. Он обреченно закрыл глаза и еле заметно отрицательно помотал головой.

– Отлично! – развеселилась Николетта. – Дед, мне уже не скучно!

– Тогда я пошел работать и заодно отнесу обед Витторио. Он предпочитает есть на рабочем месте. Николетта, покажи Джеру его каюту и, пожалуйста, не отрывай ему лапы в первый же день.

Профессор ушел, оставив бедного Джера на съедение своей кровожадной внучке-змее.

Юноша сказал, невероятным усилием воли переходя на ты с девушкой-фоурессой:

– Если ты напишешь, что я к тебе приставал, то я потребую проверки на детекторе лжи, которая докажет, что это не так.

– Да? – вкрадчиво промурлыкала Николетта. – Когда мы шли по коридору, ты так на меня смотрел, что на мне комбинезон задымился. Показать, в каких местах? Не боишься, что твой голос дрогнет на детекторе лжи?

«Вот я попал! – в панике подумал пилот. – Вот так доставочка! Полный аут!»

– Когда я подброшу на твой корабль свой лифчик, то никакой детектор такую улику опровергнуть не сможет.

«Она – маньяк! Такая девчонка-фоур может уничтожить любого моно-человека одним движением!»

– Я не кровожадная, – сбавила напор Николетта, – просто не люблю лицемерия и вранья. Поэтому у тебя есть небольшой шанс выжить в течение этого месяца, но только если ты будешь со мной совершенно честен.

– А если моя честность тебе не понравится? – спросил Джер.

– Тебе придется рискнуть – все равно у тебя нет выбора, – хихикнула Николетта. – Пошли, покажу твою берлогу, мой новый плюшевый медведь.

Через семь минут юный пилот лежал на кровати в каюте, которую ему отвели. А еще через три секунды он уже спал.

Глава 2

Плутарх в космосе

16 января 2252 года

Джера так вымотала многодневная перегрузка, что он проспал как убитый до полудня. Проснувшись, юноша почувствовал себя бодрым и отдохнувшим. Даже вчерашняя девчонка уже не казалась бедствием. Вот его приятелю Питу как-то довелось неделю везти спецрейсом двадцать сиамских кошек, которые в середине полета вырвались на волю. Когда он после той доставки вернулся на базу, то был поцарапан от ушей до пяток и все время испуганно оглядывался. Джер читал, что такая привычка была у летчиков-истребителей во времена старых войн – они проверяли, не заходит ли сзади враг. А тут всего одна кошка, пусть и крупная, зато говорящая, что оставляет надежду на компромисс. Зря, что ли, курьерам преподают экспресс-курс практической психологии – для лучшего понимания желаний клиентов?

Кроме того, гордость Джера была уязвлена. Эта девчонка смотрела на него сверху вниз – и даже нахально потребовала, чтобы он постарался быть поумнее! Ну что ж, не в правилах Джера отступать перед трудностями и опасностями.

Пока молодой пилот вставал и одевался, он окончательно решил принять надменный вызов этой фоурессы. И сердце его застучало сильнее.

Он умылся и отправился в кают-компанию. Там в обычной позе – спиной ко всему, лицом к голографическому экрану – сидел в одиночестве Витторио. Профессора с его бедовой внучкой юноша опять нашел в столовой. Джер поздоровался и посмотрел на настенные часы – было время обеда.

Николетта с капризной ноткой спросила дедушку:

– Дед, как можно спать с ужина до обеда следующего дня? Восемнадцать часов!

Профессор не стал отвечать на риторический вопрос, а поставил на стол полную тарелку для Джера.

– Садись, бравый курьер, пообедай.

Джер сел и сказал, прежде чем приступить к еде:

– Николетта, ты должна знать, что медведи много спят – и плюшевые совсем не исключение.

– Дед, ты видел раньше моно-парней с юмором? – озадаченно спросила Николетта.

– Я много чего видел! – усмехнулся профессор.

Джер плохо помнил, что ел вчера, но сегодня он смог по достоинству оценить розового печеного лосося с грибами и картошкой фри. Да еще веточка укропа. Он приступил к еде – на вкус она была даже лучше, чем на вид.

– Профессор, у вас изысканная кухня! – сказал Джер с благодарностью. Он не смог фамильярно называть старика по имени и решил, что «профессор» будет достаточным уходом от «сэра».

– Вполне обычная, Джер, – ответил профессор, успевающий не только жевать, но и следить за чем-то на экране планшета. Иногда над столом поднималась трехмерная голограмма какого-то устройства, которую профессор внимательно осматривал, а потом сметал небрежным жестом.

– А чем ты привык питаться и где твой дом? – спросила Николетта.

– У меня нет дома, – пожал плечами Джер. – До десяти лет я жил на Марсе в интернате, потом – в школе пилотов на Церере. В четырнадцать лет я стал курьером и с тех пор живу на корабле, а между рейсами отдыхаю на базах курьерской службы. У нас там есть столовые. Плюс ресторанчики фастфуда на космических станциях.

– Нет дома? – поразились Николетта. – Теперь понятно, почему тебе так нравится скромная кухня моего деда, – заключила она и вернулась кковырянию в своей тарелке.

– Отличный лосось! – Джер снова похвалил «скромную кухню», а потом не удержался и спросил: – А почему вы так странно смотрели на меня вчера, когда я ел?

Профессор поднял голову от планшета и сказал:

– Мы никогда не видели, чтобы человек ел так быстро. Причем аккуратно – ножом и вилкой, не чавкая и не кроша.

– Ты был как снегоуборочный комбайн! – хихикнула Николетта. – Ты мог бы участвовать в мировом чемпионате по скоростной еде.

Джер почувствовал неловкость и сказал, оправдываясь:

– Я четверо суток лежал в противоперегрузочной капсуле и только пил сок. Там много всяких полезных добавок, но после таких рейсов возникает безумное чувство голода. Курьеры обычно затыкают его огромным сэндвичем – он так и называется в космических ресторанах: специальный курьерский. Но ваш стейк был выше всяческих похвал, я жалею, что не ел его подольше, чтобы хорошо распробовать.

Профессор встал из-за стола, захватил планшет и отправился в кают-компанию, по пути похлопав Джера по плечу:

– Я приготовлю такие же стейки сегодня вечером.

В дверях он обернулся и сказал, погрозив пальцем:

– Николетта, посуда на тебе, а не на нем!

Внучка скорчила в ответ гримасу:

– За кого ты меня держишь, дед, за рабовладельца?

Профессор исчез, а Джер сказал:

– Действительно, даже самые капризные дети не заставляют свои игрушки мыть за ними посуду.

От неожиданного прикосновения профессора и непривычной семейной атмосферы за столом юноша чувствовал себя растравоженным. Такого еще не случалось в его курьерской работе. Да, ему пару раз наливали воды в домах, куда он доставлял посылки, а однажды – в доме гостеприимного фермера – дали не только чаевые, но и большое яблоко. Но он никогда еще не попадал в ситуацию, когда должен был провести с клиентами целый месяц. Причем вокруг на сто миллионов миль не было ни одной другой души, что автоматически сближало.

– Больно ты речист для игрушки, – сказала Николетта. – Что-то с тобой не так, вот только что? – никак не пойму. Ничего, я быстро тебя распорю по швам и посмотрю, что там внутри. Думаю, какие-нибудь опилки. Сейчас мы сыграем в старую игру «да-нет». Я расколю тебя за десяток вопросов. Спорим?

Она не успела продолжить – в столовую заглянул профессор.

– Джер, нам надо забрать посылку. Николетта, ты тоже пойдешь, нам понадобится каждая пара рук. Посылка большая и тяжелая!

Они быстро доели обед, и Николетта сложила тарелки в посудомоечную машину. Джер помог таскать грязную посуду, за что был награжден хлопком по спине:

– Молодец, медвежонок! Игру в «да-нет» откладываем, но она неизбежна.

Все-таки никогда еще Джер не попадал в такую фамилярную ситуацию с клиентами!

Они двинулись к кораблю по уже знакомому коридору. Витторио тянул за собой плоскую кибертележку для перевозки посылки. Вскоре они дошли до места, где Джер вчера потерял сознание. Юноша смутился, увидев на полу обильные капли засохшей темной крови. Никто ничего не сказал, но по тому, как Николетта с профессором обошли пятно, Джеру стало понятно, что они тоже заметили кровь. Витторио вообще ничего не замечал – не таковский он был человек.

Сегодня Джер увидел на станции массу того, чего вчера просто пропустил из-за страшной усталости. Коридор, как оказалось, представлял собой просто подземный ход, прорубленный во льду Европы. Стены были облицованы пенной термоизоляцией, но кое-где она отслоилась – и из дыр блестел космический лед, обдавая проходящих теплокровных приматов свирепым холодом.

– Что это за станция? – спросил Джер. – Почему она заброшена?

Ответил профессор:

– Ее построили в эпоху второй волны космической колонизации. Это была международная обсерватория и заодно – станция по глубоководному, вернее подледному, бурению. Она получила много научных результатов, но потом была законсервирована из-за недостатка финансирования. Оказалось, что все базы в дальнем космосе – то есть за пределами пояса астероидов – содержать слишком дорого. У них нет перспективы экономической эффективности, в отличие от поселений в поясе астероидов, где добываются редкие металлы для Земли и обычные металлы для марсианских куполов и астероидных городов. Выжила только маленькая исследовательская колония на Титане возле Сатурна, где жизнь дешевле и безопасней – благодаря плотной атмосфере Титана, в которой не нужны герметичные скафандры.

Джер осмелился:

– Если не секрет, то можно спросить, что я вез с такой срочностью? И чем занимается ваша экспедиция? Правда, мне не полагается задавать такие вопросы, но очень интересно, что вы делаете тут, на заброшенной станции, в таком малочисленном составе?

Профессор ответил:

– Никакого секрета тут нет: я уже много лет в своих статьях продвигаю одну идею, но коллеги считают ее безумной, и мой проект никак не мог получить финансирование. Неожиданно два года назад один частный фонд выдал мне щедрый грант – и вот установка создана и мы собираемся ее апробировать. Она должна создать такую... хитрую червоточину. Мы забрались к Юпитеру, потому что здесь нам поможет его гравитационное поле, которое мы будем использовать как линзу.

Юноша удивился:

– Пространственно-временную червоточину? Но они ведь очень нестабильны!

Профессор замер как пораженный громом.

– Джер, откуда ты знаешь про червоточины?

Вся их группа тоже остановилась. Николетта фыркнула:

– Я же говорю – с ним что-то не так. Это, наверное, шпион, которого подослали твои конкуренты!

Джер сказал, защищаясь:

– Я просто прочитал хорошую научно-популярную книгу про теорию Эйнштейна и эти червоточины.

Николетта недоверчиво засмеялась:

– Моно-парень, который читает книжки по общей теории относительности?

Профессор отправился дальше:

– Поразительно. Мальчик-курьер понял суть главной проблемы быстрее, чем эти олухи из Научного фонда. Конечно, Джер не шпион – иначе бы он скрывал свою осведомленность. Так вот, Джер, мой проект и состоит в том, чтобы стабилизировать такую червоточину хотя бы на несколько минут. Мы станем это делать с помощью реликтового гравитационного излучения, которое будем ловить в фокусе искривленного пространства Юпитера. Трудность в том, чтобы суметь рассортировать эти реликтовые волны по направлениям и фазам и отобрать только те, что нам нужны. Но я, наверное, слишком туманно объясняю?

– Нет, я понял. Вы хотите сложить все волны, подходящие по фазам, в одну, очень сильную. Эта суперволна и создаст стабильную червоточину?

Профессор опять остановился как вкопанный.

– Черт побери, Джер, может, ты и вправду шпион?

– Нет, я узнал о вашей работе только что. Просто вы объясняете очень понятно.

Мамаев снова зашагал по коридору.

– Невероятно. Просто невероятно. Я потратил неделю на споры в Периферийном институте, но так и не добился понимания. А тут – пилот курьера, пицца-бой – и схватывает все на лету. Это мистика какая-то!

Николетта сказала зловеще:

– Не беспокойся, дедушка, я им скоро займусь, и мы узнаем, откуда эта ненормальная осведомленность! Может, он принял волшебный препарат из когтя дракона?

Джер, действительно заинтересованный разговором, не стал обращать внимания на угрожающие слова Никоветты и спросил профессора:

– Но червоточины должны куда-то вести. В каком месте должна выйти червоточина, которую вы создадите?

Профессор Мамаев только крикнул:

– Н-да... Мой мальчик, она должна выйти не в другом месте, а в другом времени!

Юноша задумался.

– Здорово! Так как будущего еще не существует – вы будете смотреть в прошлое?

– Да, мы планируем заглянуть на двести тридцать девять лет назад!

Джер воскликнул с озарением:

– В две тысячи тринадцатый год! Вы, наверное, будете наблюдать падение Челябинского астероида?

Тут даже Витторио пробурчал что-то удивленное. Никоветта же вообще смотрела на пилота круглыми глазами.

– Ты кто? – спросила она юношу.

Тот пожал плечами:

– Я просто курьер-619. Но ты же велела мне притвориться таким умным, каким только смогу. Вот я и не стал больше прикидываться простаком.

– Я никак не ожидала, что мое неосторожное пожелание приведет к таким драматическим последствиям. Много у вас курьеров, разбирающихся в проблемах искривленного пространства-времени? И схватывающих на лету научные идеи?

Джер не успел ответить – они пришли к шлюзу, к которому был пристыкован «Солнечный заяц». Следующие два часа ушли на аккуратную выгрузку контейнера, в котором, как оказалось, был огромный магнетрон.

– Это такая штука, которая стоит в кухонной микроволновке, только в миллион раз мощнее! – пояснил Мамаев. Юноша не стал ему говорить, что знает устройство магнетрона.

– Наш магнетрон сгорел, когда его неправильно подсоединили к станционной сети, – вздохнул профессор.

Витторио недовольно буркнул в ответ:

– Схема была неверной!

Его голос Джер услышал впервые. Неудивительно, что голос был сиплый – с такой-то частотой использования!

Прошло еще три часа – и наконец магнетрон был доставлен в нужное место и присоединен к сети, – вероятно, правильно, потому что прибор заработал, и Витторио широко улыбнулся, по-прежнему не нарушая обета молчания.

Джер устал, но был доволен, что принял участие в общем деле. Поэтому он сказал:

– Профессор, я всегда рад помочь в вашем эксперименте, так что располагайте мной!

Мамаев кивнул и, тоже довольный, отправился готовить ужин – кажется, он в своей экспедиции был за шеф-повара, что неудивительно, – для такого тонкого дела Николетта была слишком легкомысленна, а Витторио слишком серьезен.

Николетта, поманив за собой Джера, достала из холодильника пару бутылочек с соком и уселась в углу кают-компания на диван. Сел и Джер, взяв протянутую бутылочку.

– Я хотела расколоть тебя за десять вопросов, а ты сам расколол деда за пять. Теперь я буду препарировать тебя с особой тщательностью.

Джер ответил, указав на бутылочку с соком:

– Это формалин? Для сохранности препарированного зверька?

Он сделал большой глоток:

– Нет, это лучше формалина. Может, меня заспиртуют после раскалывания?

Николетта озадаченно сказала:

– Может, ты – инопланетянин, который замаскировался под курьера-619? А на самом деле под этим бледным тощим лицом скрывается зеленая слизистая рожа?

Пилот усмехнулся:

– Зеленая – фи! Это так старомодно. Сейчас все наши носят такие симпатичные синие морды с красными пупырями.

Николетта просто пожирала его глазами.

– Я ничего не понимаю! Где ты нахватался всего этого? До четырнадцати лет в интернате и школе пилотов, а потом два года в одиночной камере, то есть в каюте своего корабля. И вот, пожалуйста, поддерживает светский разговор, шутит, а в червоточинах метрики разбирается наравне с дедушкой. Я совсем не удивлюсь, если сейчас ты превратишься в синего монстра с желтыми глазами! Или с красными пупырями!

Профессор позвал их ужинать, и разговор прекратился. Для разнообразия за столом сидел и Витторио. Видимо, он разрешил себе отдохнуть, поэтому, быстро съев хорошо прожаренный стейк с грибным спагетти, откинулся в кресле и наслаждался бокалом оранжевого вина. Впрочем, судя по отсутствующему взгляду, он все время что-то прокручивал в бритой голове, что-то подсчитывал и прикидывал.

Джер наконец-то смог как следует оценить кухню профессора – и по-прежнему находил ее превосходной. Он не спеша отрезал ломтики от куска мяса и наслаждался итальянскими макаронами с потрясающим грибным вкусом. Это явно были не привычные Джеру шампиньоны, а что-то гораздо более изысканное.

Юноша никогда раньше не ел дорогостоящих трюфелей и не смог их опознать.

– Это самый лучший стейк, который я ел в своей жизни, – сказал он. – Может, вчерашний тоже был хорош, но мое знакомство с ним длилось не слишком долго.

Николетта встрепелась:

– Дед, ты послушай, как он говорит! Он вежлив и острит не как моно-курьер, а как какой-нибудь фоур-интеллектуал! Причем эти фоуры такие... натужные... так стараются быть умными, а этот умничает совершенно свободно и даже с удовольствием!

Профессор вытер рот салфеткой, откинулся на спинку кресла и сказал:

– Николетта, отстань от Джера. Лучше вернемся к нашей беседе. Ты вчера что-то хотела доказать мне про свою любимую книгу.

Девушка сразу загорячилась:

– Прежде всего, я хотела, чтобы ты ее прочитал. Роман Инги Пулярской «Как заблудиться в трех соснах» – это лучшее произведение про современную молодежь. Как мы будем спорить, если ты не читал этот роман?

Профессор Мамаев сказал:

– А ты попробуй убедить меня в том, что эта книга интересна. Проведи рекламную кампанию.

Николетта ринулась в бой:

– Прочитай ее, ты будешь лучше понимать меня! Ты узнаешь, что чувствуют юные люди, вступающие в этот мир взрослых, глубоко чуждый им – по возрасту, по опыту и темпераменту. Мы – инопланетяне друг для друга! Я не знаю, чем буду заниматься во взрослом мире, – и от этого мне страшно!

Она, в инстинктивной попытке найти поддержку, посмотрела на Джера. Тот, допивая кофе, сказал:

– Тем подросткам, которые точно знают, чем они будут заниматься в этом мире, часто еще страшнее.

Девушка нахмурила брови:

– А у тебя есть любимая книга? Наверное – «Теория Эйнштейна для простаков»?

Джер ответил неожиданно:

– Плутарх. «Застольные беседы».

Профессор засмеялся:

– Николетта, тебе попался крепкий орешек.

– Почему тебе нравится Плутарх? – с недоумением спросила Николетта. – Это же античный историк.

– Я люблю книги больше, чем кино, потому что они оставляют место воображению и позволяют самому раскрасить описываемый мир в разные цвета. «Беседы» Плутарха лучше обычных книг, потому что в нескольких строчках вмещают целую историю, которую ты можешь додумать сам.

– Расскажи какую-нибудь историю Плутарха! – потребовала Николетта.

– В маленьком отсталом греческом государстве Киме, над которым смеялись остальные греки, была должность стража: кто ее исполнял, тот в обычное время охранял тюрьму; но, когда совет собирался на ночное заседание, он являлся туда, выводил за руку царя и держал его, покуда члены совета тайным голосованием решали, справедливо тот правил или нет.

– А что происходило, если совет решал, что царь правил плохо?

– Неизвестно, но явно ничего хорошего, если царя держал за руку тюремщик. Тут много чего можно домыслить, в то время как обычная книга описывает происходящее до мельчайших деталей. Когда сутками лежишь в противоперегрузочной ванне, то можно несколько строк Плутарха превратить в целый роман. Иногда одна строчка порождает целые картины и сюжеты. Например, деревенских жителей, приходящих в греческий город, звали «пыльноногими». Сразу представляются пешие греки, идущие по пыльной горячей дороге. Босыми они шли или обутыми? Были ли у них лошади или ослы, тянущие за собой повозки с поклажей? Зачем они шли в город – торговать или покупать? Может, они шли посмотреть на игры атлетов или послушать споры философов?

– Расскажи еще какую-нибудь историю Плутарха, – попросила Николетта.

– Локр из-за семейных неурядиц решил переселиться – и спросил у оракула, куда ему отправиться? Бог ответил ему, что город нужно основать там, где Локра укусит деревянный пес. Локр переплыл море и, как только ступил на сушу, уколол ногу о шиповник, который зовут собачьей колючкой. Страдая от укола, Локр задержался на несколько дней на этом месте. Он познакомился с окрестностями, остался на этом берегу и основал Фиск, Гианфию и другие города. В них жили локрийцы, которые звались «пахучими».

– Почему их так называли? – поинтересовалась девушка.

– Доподлинно неизвестно. Кто-то верит, что из-за того, что некогда к локрийскому берегу прибило морского змея Пифона, который там и гнил; другие считают, что локрийцы сами дурно пахли, потому что носили овчины и жили вместе со скотом; третьи же, напротив, полагают, что эта страна была богата цветами и сильно благоухала.

– Действительно, масса простора для воображения! – воскликнула Николетта. – А что за семейные неурядицы были у Локра?

– Ожесточенные споры сына с отцом, которые вынудили одного из них к переселению.

– Все как в наше время, – удивилась девушка.

– Именно. Читая Плутарха, понимаешь, что несколько тысяч лет назад людей заботили проблемы, которые во многом были схожи с нашими. Истории Плутарха изложены в виде застольных бесед: читая его, легко вживаешься в самое начало первого тысячелетия. Ты словно сам сидишь, вернее возлежишь за столом, где собрались древние греки или римляне. Они не похожи на нас своими туниками и бородами, но в историях Плутарха древние оказываются так близки к нам, что начинаешь чувствовать себя там своим, воспринимать человечество как единое сообщество.

Джер говорил и сам удивлялся себе. Он никогда еще не позволял себе высказывать вслух свои мысли. Но эта заброшенная европейская станция вдали от цивилизации; этот профессор, который отнесся к нему как к равному и кормил вкусной едой; эта симпатичная Николетта, которая не воспринимала его как равного и надменно приказала ему быть умным и правдивым, – все это сломало какие-то прочные запреты внутри Джера. Он принял вызов быть ровней этим фоурам – и вел себя так, как вели бы себя смелые и остроумные герои книг, которые он читал. И у него получалось! Он наслаждался этим обществом и разговором гораздо больше, чем вкусной едой и удобной каютой.

Николетта повернулась к профессору.

– Ну все, дед, я потеряла всякое терпение, сейчас я буду потрошить этого любителя Эйнштейна и Плутарха. Мы тебе нужны?

Профессор встал из-за стола:

– Нет, я пошел работать, развлекайтесь. Держись, бравый пилот!

Юная фоуресса повернулась к Джеру и сказала угрожающе:

– Вопрос первый. Отвечать только «да» или «нет». Ты незаконнорожденный сын какого-то аристократа?

– Нет.

– У тебя есть влиятельные или образованные родители?

– Нет.

– Богатые опекуны?

– Нет.

– Ты получил образование в марсианском колледже или элитном интернате?

– Нет.

– Ты – тайный вундеркинд, с уникальной памятью или вроде того?

– Нет. Уже пять вопросов растратила.

Николетта подумала, прежде чем задать очередной вопрос.

– Ты – фоур, которого жизнь забросила в класс «моно»?

– Нет.

– Ты получил какое-нибудь специальное образование, кроме обычной школы?

– Нет.

– Ты – инопланетянин?

– Нет.

– Ты – шпион?

– Нет. У тебя остался последний вопрос.

Девушка закусила губу и свирепо посмотрела на Джера, который свободно сидел, попивал кофе и улыбался.

– Тебя послал кто-то из наших знакомых? Как розыгрыш?

– Нет. Ты проиграла.

Николетта прищурилась:

– Я все равно докопаюсь до истины. Если выяснится, что ты соврал хоть в одном слове, – тебе не жить.

– Как же ты собираешься докопаться до истины, если продула игру?

– К дьяволу игры! Отвечай сам – как получилось, что ты умнее многих моих знакомых парней-фоуров, не говоря уж о примитивных моно? Откуда ты знаешь так много?

Джер пожал плечами:

– Я все узнал из книг. Сравнивать свой интеллект с фоурами не могу – ты первый фоур, с которым я толком разговариваю. Самый длинный мой разговор с фоур-леди был год назад: «Куда поставить ящик, мэм?» – «В этот угол!»

– Из книг? – фыркнула Николетта. – Ежу понятно, что не из телевизора или квиддлера. Но это ничего не объясняет.

– Ага, ты хочешь, чтобы я убедил тебя в своих словах? Предоставил свидетелей и доказательства?

– Да, хочу. Доказательств не надо, мне будет достаточно психологически реалистичной картины.

– Но это будет долгая история, – пожал плечами Джер. – Ты уверена, что тебе стоит тратить свое драгоценное фоур-время на копание в опилках моно-парня?

– Докатились! – возмутилась Николетта. – Ты иронизируешь! Ты просто издеваешься надо мной!

– Просто слегка подтруниваю – когда еще выпадет такой случай. Но если госпожа велит, то я буду почтительней швейцара.

– Госпожа подумает. Ну, давай раскрывай свои секреты.

– Это было одиннадцать лет назад, в Рождество. В нашей интернатской группе из десяти пацанов-пятилеток случилось грандиозное событие: благодаря милости какого-то мецената нам притащили десять коробок с рождественскими подарками – дешевыми планшетниками разного размера и разного содержания. Четыре планшетника были набиты компьютерными играми: их разобрали в первую очередь – и по цене всего двух разбитых носов. Три планшетника содержали коллекцию кинофантастики – они тоже быстро распределились вместе с обаятельными царапинами и синяками. Два планшетника хранили записи классической музыки и песни модных групп – они попали в руки самых слабых и неловких ребят. А десятый планшетник, самый маленький и простой, достался мне.

– Ты был слабее всех?

– Нет, просто в момент распределения подарков сидел в карцере – за неуважение к персоналу интерната.

– А что ты сделал?

– Я не хотел бы касаться этого вопроса, потому что он не имеет прямого отношения к нашей истории.

– Хорошо, продолжай.

– Благодаря этому карцеру моя жизнь изменилась, потому что в подаренном мне планшетнике была библиотека.

– Какая?

– Стандартная библиотека «Миллион лучших книг мира».

– И что тут такого? Такая библиотека есть у всех.

– Конечно. Но у всех обычных детей, кроме этой библиотеки, есть масса других развлечений: телевизор, виртуальные игры, шоу-группы, дружеские вечеринки и многое другое. У меня была только она – библиотека. Она вытеснила все остальные доступные и недоступные развлечения. Библиотека стала читать мне детские сказки всего мира – и я слушал их в постели, за едой и даже принимая душ. Меня прозвали в группе лунатиком. Когда я научился читать

сам – а это случилось уже через полгода, то стал еще быстрее глотать книги, читая их с экрана планшета. В год я прочитывал или прослушивал около пяти сотен книг. Сначала это были сказки, приключения и фантастика, но потом я дошел до серьезных книг и научно-популярных трудов. Когда я начал летать на курьере, то стал слушать и читать, лежа в противоперегрузочной ванне, до пяти книг в день. Это главное мое времяпровождение. Я не смотрю телевизор, не играю в компьютерные игры, меня не волнуют спортивные соревнования и модные музыкальные группы. Плюс у меня хорошая память: не исключительная, но выше средней. Вот и все. Я убедил тебя?

– Ну... в общем-то да. – Николетта слегка разочарованно откинулась на кресле. – Ты просто книжный червь, сожравший много книг. Такое интенсивное самообразование.

– Я соврал в ответах?

– Нет, кажется.

– Тогда я могу пойти в свою каюту, отдохнуть?

– Ладно, пошли спать, натаскались мы с этим ящиком! – зевнула Николетта. – На самом деле я завидую тебе в другом отношении: в четырнадцать лет ты уже был за штурвалом космического корабля! Это круто!

Джер с удовольствием улыбнулся.

– В школу юных космонавтов нас зачисляли в десять лет, после серии тестов и испытаний. Первый пробный вылет я сделал с инструктором в тринадцать. Это был действительно незабываемый день. Тем более что в честь первого самостоятельного полета нам на ужин дали вкуснейший торт.

– Какие выпускные экзамены вы сдавали в своей школе космонавтов?

– Два: теоретический зачет и практические испытания.

– В чем заключались эти испытания?

– Тебе дают сильное снотворное – и ты просыпаешься в космическом корабле-курьере, парящем между звезд неизвестно где с неисправным электропитанием.

– Какой кошмар!

– Ты должен выживать на таком корабле до тех пор, пока не найдешь неисправность и не починишь ее. После чего ты должен определить свое местоположение и довести корабль до школьной базы.

– И сколько времени обычно уходит на поиск неисправности?

– От многих часов до нескольких дней. Но главное – ты должен починить корабль, а запасной стандартной детали, чтобы заменить сломавшуюся, обычно нет. Тебе нужно придумать, чем заменить эту деталь или как обойтись без нее.

– Что сломалось в твоём корабле и сколько времени у тебя ушло на ремонт?

– Я быстро восстановил электропитание, соединив обрезанные под обшивкой рубки провода. Но потом выяснилось, что у меня напрочь отказала система звездной навигации, отчего я не мог определить свое положение в космосе.

– Ты заблудился! Это ведь по-настоящему страшно: висеть в космосе и не знать – куда лететь...

– Мне пришлось найти на небе Марс и Юпитер – и вспомнить положение базы относительно этих планет. Потом я полетел в предполагаемую зону расположения базы и барражировал там двое суток, пока не попал в зону действия радиомаяка базы. Дальше было просто.

– Жесткие у вас там были испытания! – Николетта с уважением посмотрела на пилота. – Сколько выпускников школы их не выдерживают?

– Около половины. Некоторые впадают в панику, оказавшись в одиночестве где-то посреди космоса. Другие не успевают найти неисправность корабля или починить ее в двухнедельный срок – и их снимают с экзамена.

– И сколько у тебя заняло прохождение экзамена?

- Четыре дня.
 - Это рекорд?
 - Нет, просто верхние десять процентов.
 - Джер, ты очень скромный?
 - От заслуженной порции славы я не откажусь!
- Они дошли до своих кают. Николетта хлопнула юношу по плечу:
- Спокойной ночи, бравый пилот!
- Но он почему-то долго не мог заснуть.

Глава 3

Заброшенная обсерватория

17 января 2252 года

Утром Джер сразу пришел в столовую – там всегда происходило самое интересное. Действительно, Николетта с дедом уже сидели за столом.

– Смотри-ка, сегодня он пришел не на обед, а на завтрак! – воскликнула Николетта. Перед ней стояла большая чашка кофе и тарелка мелких плюшек разной формы и со всевозможными начинками.

Джер получил такую же порцию булочек-малюток – и навалился на еду.

– Дед, я его вчера распотрошила! – выпалила Николетта. – Это книгоглот, который прочитал кучу книг! Сколько ты их прочитал, Джер?

Тот не замедлил с ответом:

– Семь тысяч триста пятьдесят две.

Профессор удивленно посмотрел на юношу:

– Что ты сейчас читаешь?

– Сразу три книги: «Структуру научных революций» Куна, «Улисса» Джойса и «Гражданина галактики» Хайнлайна. Последнюю я перечитываю в пятый раз. Она мне очень нравится. А с «Улиссом» я борюсь как с кроссвордом.

– Хм... И что ты думаешь о концепции смены научных парадигм Томаса Куна? Николетта считает, что она устарела и попперовские критерии верификации тоже пора выбросить на помойку.

Джер не успел ответить, потому что Николетта горячо возобновила свой старый спор с дедом:

– Нынешние компьютеры способны установить истинность теории лучше, чем люди. Они не ошибаются в математике и свободны от предубеждений. Им неведом научный консерватизм!

Профессор возразил:

– Это не так. Современные компьютеры могут многое, но они пороха не выдумают. Ни один из них не сможет выдвинуть новую фундаментальную теорию. Кроме того, компьютеры не проводят эксперименты, а полагаются только на логику, которая своя для каждой теории. Поэтому компьютеры не способны совершить научную революцию и придумать новую логику следующей парадигмы. Верно?

Профессор посмотрел на Джера. Он сказал:

– Полагаю, что вы оба правы.

– Ага, ты предпочитаешь искать истину посередине? – одобрительно кивнул профессор. Пилот пожал плечами:

– У древних греков-опунтийцев было два жреца: один занимался почитанием богов, другой улещивал демонов. Компьютеры, конечно, не выдвинут новую теорию – я тут с вами, профессор, согласен, но они смогут быстро проверить непротиворечивость логики и безошибочность математики в модели, предложенной человеком. Они способны объективно взвесить публикуемые научные работы и не забыть ни одну из них. Это поможет смене парадигмы. Образно говоря, компьютеры не смогут стать родителями новой теории, но они могут быть ее повивальными бабками и уберечь новорожденную теорию от забвения и несправедливых нападков. Это заметно ускорит процесс смены парадигм.

– Согласен, – кивнул профессор. – А ты? – обратился он к внучке.

– Вот еще, – громко фыркнула та. – Я не собираюсь с ним соглашаться, даже если согласна.

– Хороший ответ. – Джер заткнул свою улыбку плюшкой, а прожевав, спросил профессора Мамаева: – А что вы хотите увидеть на Земле в День Космической катастрофы?

– Само событие, конечно: падение полукилометрового астероида, которое изменило судьбу человечества. Ведь даже размер этого тела известен довольно приблизительно. Обсерватория базы оборудована прекрасным телескопом, который еще нужно расконсервировать, – он сможет различить на Земле объекты в десять метров в поперечнике. При ясной атмосфере, конечно. Если наша червоточина удержится нужное время, мы сможем сфотографировать само тело на подлете к планете. Кроме того, малоизучен сам процесс разрушения и взрыва. Хорошо известно, что кратер уничтожил город Челябинск, а ударная волна снесла здания и лес на сотни километров вокруг. Но что происходило с атмосферой – тут много непонятного. Данные спутников и наземных станций показали, что за считанные дни гигантское пылевое облако окутало северное полушарие. Важную роль в этом сыграло арктическое воздушное течение, которое кольцом охватывало северное полушарие в феврале две тысячи тринадцатого года и быстро понесло облако космической пыли с Урала в Сибирь, а потом – в Северную Америку, Атлантику и Европу. Но моделирование показывает, что это ветровое течение не могло так быстро распространить пылевое облако по разным широтам. Действовал еще какой-то мощный фактор, который вызвал стремительное расширение облака на юг, к экватору.

– Какой же это фактор? – спросил Джер.

Профессор ответил:

– Есть теория, что падение астероида вызвало расширение атмосферы, которая вздулась пузырем в точке взрыва. Это должно выглядеть как гигантское облако, выросшее на многие десятки километров над обычным облачным слоем. В атмосфере словно заработал своеобразный воздушный вулкан, который вместо лавы извергал горячий пылевой смерч. Потом это супероблако просто растеклось во все стороны над плотными слоями атмосферы – и тем самым перенесло пыль в южные и северные широты. Это и вызвало стремительное похолодание на Земле.

Николетта вздохнула:

– Ужасный день. Миллионы землян погибли в день взрыва, сотни миллионов умерли от голода, холода и радиоактивного заражения в последующие месяцы...

– Радиация? – удивился Джер. – Я про это не знал. Астероиды же нерадиоактивны!

Николетта пояснила:

– Да, но удар астероида уничтожил крупнейшее хранилище радиоактивных отходов в уральском городе Озерск. Активные отходы смешались с пылью и распространились по всей планете, вызвав всплеск смертности из-за облучения и раковых заболеваний. Удар астероида также вызвал землетрясения в тех областях, где были накоплены тектонические напряжения. Это породило пожары и разрушения в городах и мощные цунами на море. А потом начались холода и неурожаи... История земной цивилизации словно споткнулась в этот день. Я читала отчет ООН, в котором говорится, что из-за астероида две тысячи тринадцатого года человечество затормозилось в своем развитии примерно на сто лет.

Профессор добавил:

– Если у нас все получится, то мы сможем генерировать червоточину каждые несколько дней или недель – и отслеживать состояние атмосферы Земли после удара астероида. Ну, хватит вспоминать историю, вернемся к текущим делам! Николетта, не хочешь заняться расконсервацией телескопа?

Николетта и Джер, который вызвался ей помочь, добрались до управляющего центра обсерватории. Большое панорамное окно астрономического центра выходило внутрь купола

телескопа. Окно поменьше, похожее на старинный корабельный иллюминатор, смотрело на Юпитер, неподвижно висящий над светлым горизонтом Европы. Воздух в наблюдательном центре был, а вот в куполе телескопа его не было.

– Нам нужны будут скафандры? – спросил Джер.

– Нет, насколько мне известно из прочитанной инструкции, – ответила Николетта. – Телескоп должен полностью управляться отсюда. Если нужно сделать что-то нестандартное, то здесь есть электромеханическая рука. Рулить ею можно с того дальнего пульта. А это, видимо, главный терминал...

Николетта снимала один пыльный чехол за другим, открывая старый пульт управления. Он не выглядел разбитым, но с чего нужно начинать его оживление? Джер указал на красную кнопку на пульте:

– Предлагаю включить питание.

Девушка ткнула в красный кружок – и на пульте нехотя загорелись разноцветные лампочки. Пока компьютер просыпался, Джер воткнул шнур своего переговорника в информационный разъем на пульте и вызвал свой корабль:

– Энн, мне нужна твоя помощь.

В ответ раздался звон бьющейся посуды, оханье и рассерженное шипение. Потом ироничный девичий голос сказал:

– Прости, Джер, я так кинулась на твой зов, что уронила чашку и разбила коленку. Это так мило, что ты попросил меня о помощи! Я вся в трепетном ожидании.

– Хватит шутить. Протестируй этот древний компьютер. Сможет он управлять телескопом или надо будет его менять?

– Слушаюсь, хозяин.

Энн хранила молчание, пока Николетта и Джер возились с киберманипулятором, оказавшимся вполне рабочим, – вот только двигался он медленнее всех манипуляторов, с которыми раньше имел дело Джер.

Наконец Энн сказала:

– Ах, Джер, это так печально! Я словно навестила дряхлого родственника в доме престарелых.

– Он так плох?

– Ну, памперс ему еще не нужен, но, задав ему вопрос, можно съесть ужин и поспать, прежде чем дождешься ответа.

– Нам от него скорострельность не нужна. Он сможет навести телескоп на Землю и осуществить стабильное гидирование²? Не приведи Юпитер, шестеренки телескопа задрожат, тогда все драгоценные снимки размажутся.

Николетта удивилась:

– Ты много знаешь про астрономические наблюдения. Наверное, какую-нибудь книжку прочитал на эту тему?

– Пять книжек и два учебника. Для пилотов умение пользоваться телескопами – служебная необходимость. Так что скажешь, Энн?

– Компьютер телескопа гордо утверждает, что он все требуемое сможет. Но я сомневаюсь – он не проверял свои моторы лет сто.

– Поработай с ним, – попросил Джер. – Протестируй гидирующие двигатели телескопа, а мы пока пообедаем.

– А что мы будем есть? – удивленно спросила Николетта. – Действительно, я уже проголодалась.

² Гидирование – плавное перемещение телескопа за объектом наблюдения.

– Я планирую лучше тебя, поэтому, с разрешения профессора, залез в холодильник и сделал нам два бутерброда с ветчиной. И взял две бутылки безалкогольного пива.

Он протянул Николетте пакет и бутылку.

– Какой ты предусмотрительный, медвежонок! – похвалила она и впилась белыми зубами в бутерброд. А прожевав кусок, сказала: – Что тут за начинка? Я чувствую ветчину и сыр... кажется, тут есть еще салат и укроп, но что еще?

– Ломтик соленого огурчика.

– Вкусно!

– Это знаменитая русская закуска. Такие бутерброды делают в одном ресторанчике космопорта Паллады. Они мне так понравились, что я специально расспросил бармена Дима о рецепте. Он тоже моно-парень и охотно рассказал мне о составе.

Николетта доела бутерброд и допила пиво.

– А если бармен Дим владел бы этим рестораном и был дихтоном или триплетом, то не рассказал бы?

– Вряд ли, как мне показывает мой опыт общения с другими кастами.

– Да? Можешь рассказать об этом опыте?

– Два месяца назад я доставил на Цереру подарок – шикарный голограммный центр. В дом клиента меня впустили две девушки примерно моего возраста: одна из них была дочерью хозяев, другая – ее подружкой. Они оживились, увидев меня, и стали знакомиться. У них были трехсложные имена, и, как только они узнали, что у меня односложное имя, полностью потеряли ко мне интерес и вернулись к обсуждению каких-то знакомых из своего круга.

По условиям доставки, голоцентр нужно было собрать и подключить к сети. Пока я возился с этим, узнал массу самых интимных подробностей из жизни этих девушек, а также их приятелей. Они совершенно меня не стеснялись – я был для них чем-то вроде мобильного автомата для продажи газировки. В какой-то момент хозяйка дома даже громко испустила кишечные газы, пожаловавшись подруге на недавно съеденное блюдо.

– Какие свиньи! – возмутилась Николетта.

– Обычные триплеты, – пожал плечами Джер. – Они хуже фоуров, потому что им есть кому завидовать.

– Мы с дедушкой не такие!

– Вы – фоуры-ученые, – согласился Джер. – Я только читал про таких особенных людей, и рад, что познакомился с вами. Вы действительно резко отличаетесь от других представителей высшей касты.

Николетта довольно улыбнулась и поднялась.

– Спасибо за комплимент и за бутерброд. Пора за работу.

Энн доложила о состоянии моторов. Ситуация была далека от радужной. Им пришлось сменить смазку во всех передаточных механизмах, прежде чем плавность движения телескопа приблизилась к норме.

Закончили они только к вечеру. Девушка в грязном комбинезоне выглядела очень усталой. «А она ничего, – подумал пилот, – не белоручка, как обычные фоурессы».

Она сказала:

– Нам нужно сделать несколько контрольных снимков. Может, одолеем их сегодня, чтобы не возвращаться к этому завтра?

– Давай, – согласился он. – Но сначала отдохнем.

Джер протянул Николетте бутылочку с соком.

– Ты запасливый, как хомяк, – сказала она, беря бутылку.

– Медведи – это просто очень раскормленные хомяки, – и пилот с удовольствием стал глотать вкуснейший комбинированный сок. Обычно он не мог позволить себе такого класса питье, но у профессора Мамаева в холодильниках хранились только самые дорогие продукты.

Они навели телескоп на Землю и сделали несколько пробных фото – для представления профессору. Фотографии земных морей и континентов были великолепны – и Джер с жадностью смотрел на них. Он никогда не был на море.

– Я родилась и выросла здесь, в доме, который когда-то принадлежал Альфреду Теннисону, знаменитому поэту девятнадцатого века. – Николетта ткнула пальцем в южный берег Англии. – Вокруг дома участок совсем небольшой – в пять гектаров, но он так густо зарос лесом и кустарником, что мне очень нравилось там бегать и прятаться. Знаменитый лозунг «Бороться, искать, найти и не сдаваться» – это строчка из поэмы Теннисона «Улисс». Он был любимым поэтом королевы Виктории, которая сделала его бароном. А сын Теннисона стал генерал-губернатором Австралии.

Легкие мысли Николетты перепрыгнули на другой предмет.

– Я была в Австралии... и во многих других странах и удивительных местах. Однажды мы с родителями проезжали Румынию и зашли в какой-то зловещий старинный замок, в котором, не помню точно, жил то ли граф-вампира Дракула, то ли его победитель. Возле ворот замка сидела старая цыганка. Она посмотрела на мою ладонь и сказала, что я – особенная девочка и на мне лежит печать величия. Она напороочила, что я выйду замуж за настоящего героя, который покоряет королевства и побеждает драконов. Он должен приехать за мной на белом коне и спасти от врагов.

– Я думаю, что она говорила это каждой девочке, которая соглашалась ее послушать.

– Конечно. Но мне было десять лет, вокруг высились величественные горы и стены угрюмого замка – и пророчество произвело на меня сильное впечатление. Я долго мечтала о своем будущем величии и ждала такого героя. Увы – он не только не появился, но еще и отравил мне контакты со сверстниками.

– Ты стала искать героев среди них?

– Ну да, – кивнула головой Николетта. – Но ни один даже близко не подходил на такую роль. Меня преследовали сплошные разочарования! Все, на что способны эти фоур-джентльмены, – это спасти застрявшего котенка с нижней ветки дерева. И то, если на них смотрят девочки.

Юная фоуресса печально вздохнула, видимо что-то вспомнив.

– Давай наведем телескоп на Юпитер! – предложил Джер, меняя тему разговора.

Они стали разглядывать облачные завитки в бурной багрово-молочной атмосфере гиганта.

Девушка сказала:

– Лучше попробуем найти Ио – там шикарные вулканы.

Телескоп стал разворачиваться в другую сторону, пока не наткнулся на диск спутника Ио.

Николетта нацелила инструмент на горизонт, где вулканические плюмы были видны лучше всего, – и ребята с восхищением стали смотреть, как над лимбом спутника взметываются, медленно расплываясь, трехсоткилометровые фонтаны серы и камней. Девушка сказала:

– У меня было желание стать планетологом, ходить по марсианским кратерам, искать окаменелости, или ловить образцы выбросов таких вот вулканических извержений на Ио, или изучать гейзеры на Тритоне. Но потом я увлеклась живописью, а после – скульптурой. Дедушка говорит, что я непоседа. Может быть, я стану ученым, как дедушка. Ученые – они особенные люди. Ты слышал про британца Пирса Селлера?

– Нет.

– Это был астронавт первых десятилетий космической эры и ученый, который занимался атмосферной физикой. В шестьдесят лет он был моложавым и подтянутым человеком, но ему диагностировали смертельный рак. Он узнал, что ему осталось жить несколько месяцев, максимум – год. Селлерс не был бедным человеком, он мог потратить этот год на путешествия, или на отдых на тропическом острове, или на любые развлечения, которые могли прийти ему в

голову. Знаешь, на что он потратил свой год? На науку – ту самую, которой он и занимался. Она была для него самым важным и интересным делом. Он сделал в свой последний год гораздо больше обычного, потому что спешил, и умер довольным человеком.

Джер, помолчав, сказал:

– Сильная история. Я был бы рад стать ученым, но вряд ли у меня получится. Я мечтаю о поступлении в университет – хоть на какой-нибудь, пусть на самый неинтересный для других факультет. Но плата за обучение везде велика...

Николетта воскликнула:

– Попроси дедушку! Он тебе поможет! Ты произвел на него хорошее впечатление.

– Я не привык просить... – Джер отрицательно помотал головой и помрачнел.

Они вышли из обсерватории и отправились по полутемным коридорам в кают-компанию.

Николетта спросила:

– Что ты делаешь в свои дни отдыха на базе?

– Если кто-нибудь из моих приятелей-пилотов в это время находится рядом, то мы встречаемся поболтать. Мои друзья более сведущи в развлечениях и тянут меня или в четырехмерное кино, или в боулинг, или поиграть в хинжу. Но это случается нечасто, и обычно я просиживаю свободные вечера в дешевых ресторанчиках.

– Это интересно? – удивилась Николетта.

– Очень! – кивнул Джер. – Когда месяцами летишь в курьере, не видя ни одного живого лица, то, попадая в людское общество, смотришь на окружающих с обостренным вниманием. Люди такие разные! Они восхищают и озадачивают.

– Расскажи, как озадачивают тебя люди.

– Как-то я увидел пожилого человека – с усталым серым лицом и усталой походкой. Он носил седоватые скучные усы, унылую лысину в окружении полуседых волос, обычные джинсы и серую скучную майку, на которой белыми скучными буквами было написано «Firefly» – «Светлячок».

Николетта заливисто рассмеялась.

– Я никак не мог понять: у этого человека очень тонкое чувство юмора или его вообще нет? А ты понимаешь?

Девушка, продолжая смеяться, отрицательно помотала головой:

– Нет!

От возни с телескопом они устали до изнеможения и, когда вернулись в кают-компанию, с удовольствием плюхнулись за стол. Сегодня была снова итальянская лапша, но уже с моллюсками, морковкой и шампиньонами.

Профессор заказал плееру какую-то приятную мелодию.

– Это Чайковский. Джер, тебе нравится музыка?

– Да. У музыки три начала – горе, радость, божественное вдохновение: каждое из этих переживаний уводит человека от обыденности и сообщает голосу особый уклон. Это рассуждение Феофраста о музыке, которое приводит Плутарх. Перед сном Энн всегда запускает мне какую-нибудь мелодию.

Джер не стал говорить, что когда спишь под негромкую спокойную музыку, то кошмары снятся гораздо реже, даже если летишь в крохотной скорлупке среди бесконечного космоса, а на грудь все время давит учетверенная сила гравитации. Его кошмары – это его личное дело.

Николетта спросила деда:

– Дедушка, тебе не кажется странным, что ты беседуешь о музыке с монопарнем?

Профессор сказал:

– На самом деле, с точки зрения психологии, Джер не является монопарнем. Кастовость проявляется и психологически закрепляется при контакте людей разных каст. А его межка-

стовые контакты были очень ограничены. Когда Джер жил в интернате, его окружали дети из его же социального слоя, предоставленные самим себе. Потом он пересел на свой курьер, где практически не общается с людьми. Так что в нем нет психологических барьеров, присущих людям его касты. Фактически нынешний Джер – человек вне каст. Он свободный мустанг в нашем стаде взнузданных лошадей, где у фоуров уздечки не менее прочны, чем у монолюдей. Поэтому он так легко принял предложение стать равноправным человеком в нашем коллективе. И с блеском доказал, что люди по своей сути равны. Их разделяет – или объединяет – лишь образование и уровень интеллекта.

– Но что будет, когда он в девятнадцать лет выйдет в отставку и будет жить в обычном улье, где все пчелки рассортированы по четырем типам сот?

– Ему будет нелегко, – пожал плечами профессор и ушел в соседний отсек к Витторио. Николетта и Джер убрали посуду и отправились к своим каютам.

– Что тебе снится в противоперегрузочной ванне, когда ты несколько суток летишь среди пустоты и холода?

– Мне часто снится зеленый лес и в нем – бревенчатый дом с огромными стеклами, где я живу со своими родителями.

– И это все?

Джер удивленно посмотрел на девушку:

– Это очень много. Очень!

И спросил:

– Как твои родители разрешили тебе лететь с дедом так далеко?

Николетта помолчала, потом сказала глухим голосом:

– Несколько лет назад мои родители отдыхали на курорте в Мексике и решили посмотреть на пирамиды майя – инкогнито, без охраны... и были убиты местными грабителями. Из-за наручных часов и пары побрякушек! Бандитов потом поймали и всех казнили... Тупые, кровожадные детдомовские бастарды... ни мозгов, ни совести... Как я ненавижу этих вырожденков, эти человеческие отбросы!

Джер судорожно дернулся, словно за шиворот ему пролилась ледяная вода. Они уже дошли до кают и стояли возле двери отсека Джера.

Он открыл дверь доставшейся ему каюты и сказал тихо:

– Приношу вам свои соболезнования, мэм. И еще... я должен извиниться за то, что, рассказывая о себе, использовал термин «интернат». Это неточное слово. На самом деле я обычный детдомовский бастард, мэм.

И он закрыл между ними дверь.

В нее никто не постучал.

Пилот курьера-619, в отличие от прошлых ночей, спал отвратительно – и встал очень рано. Он собрал свои вещи, повесил сумки через плечо и вышел из каюты, оставив дверь открытой.

Несмотря на раннее утро, в столовой сидел профессор и, потягивая кофе, что-то читал на экране планшета.

– Ты чего так рано встал? – удивился профессор. – Я по-стариковски мало сплю, а ты должен дрыхнуть как молодой барсук. И Николетта еще не проснулась. Садись, кофе с булочками будешь?

Джер замялся.

– Сэр, мне нужно провести профилактику своего корабля, там кое-что из электроники капризничает... Поэтому я буду жить у себя в каюте. Но если вам понадобятся рабочие руки, то я всегда к вашим услугам.

Профессор нахмурился:

– Неужели моя непоседа тебя чем-то обидела? Она – острая на язык, ты не обращай на это внимания.

– Что вы, сэр, у вас замечательная внучка! Я получил огромное удовольствие и от наших разговоров, и от вашей еды. Но у меня есть обязанности по уходу за кораблем.

Мамаев проницательно посмотрел на мрачного Джера и хмыкнул:

– Обязанности... без завтрака... ну, не буду задерживать – раз так решил.

Джер шел по длинным коридорам станции – и ему было вдвойне холодно. Ведь обещал не врать... да что уж тут поделаешь...

Он забрался в корабль – и его встретило удивленное восклицание Энн:

– Привет, Джер! Неужели тебе так быстро надоело гостеприимство фоуров?

В ее мелодичном голосе по-прежнему слышались нотки иронии.

– Привет, Энн! Я просто соскучился по твоим язвительным замечаниям. Проснулся с утра – чего же мне не хватает? И сразу сюда.

– Вот и молодец! Кофе тебе сварить?

– Да. И завтрак номер семь разогрей.

Он мрачно съел привычный и давно надоевший завтрак из овсянки с клюквой, запил его горьким кофе и задумался, чем бы заняться. Ну, раз профилактика, так профилактика.

– Энн, протестируй цепи в сенсорах левого борта – чего там капризничало в прошлый раз?

– Сейчас сделаю. Но стоит ли этим заниматься? Ремонтники на базе справятся быстрее – им за это деньги платят. Ты наказываешь себя этой работой?

– Что ты, дорогая, просто я боюсь, что ты оглохнешь на левое ухо в самый неподходящий момент.

– Ах, ты не хочешь видеть меня ущербной? Это мило. Сбоит цепь номер двести девяносто восемь, но где конкретно – сказать не могу. Бери тестер и заползай под обшивку. Только там сильно не ворочайся – я боюсь щекотки.

– Зато я смогу почесать тебя за ушком.

Он забрался под обшивку и через каких-то три часа ползания, пяти ударов головой о стенку и одной ссадины на локте нашел, что блок А92 нужно заменить, потому что выходной сигнал отличается от контрольного и нестабилен. Все это оказалось проделано зря, потому что такого блока среди запасных частей не было.

Джер вылез из потрохов своего корабля взлохмаченный, в перепачканном комбинезоне, где добавилась новая дырка, – и хотел попросить Энн налить ему чего-нибудь холодненького. Но не успел.

Глава 4

Штурман Энн

18 января 2252 года

Итак, юный пилот выбрался из недр своего корабля, взлохмаченный, в перепачканном комбинезоне, на котором добавилась новая дырка, и решил попросить Энн налить ему чего-нибудь холодненького. Но не успел – Энн сказала:

– У нас посетитель.

Люк открылся – и появилась Николетта. Она была одета не в давешний грязный комбинезон, а во что-то очень элегантно: зеленые искрящиеся брюки и длинный пиджак с разрезами. Девушка как-то по-особому причесалась и была так надменно-красива, что у Джера отвалилась челюсть. Тут он вспомнил, что сидит на полу, взъерошенный и чумазый, как трубочист после удачного трудового дня.

– Привет, Джер, – сказала Николетта.

– Здравствуйте, мэм, – ответил машинально Джер, вскакивая на ноги.

– Извини, что без приглашения, – сказала гостя. – Хочу посмотреть на твой корабль.

– Тут и смотреть-то нечего. Это рубка управления. – Джер немного пришел в себя и обвел рукой тесное помещение, где едва умещались два пилотских кресла и одинокая противоперегрузочная капсула. – Есть еще жилая каюта.

– Где?

Джер наклонился, пристроил снятую стенную панель на место и сказал, кивая на небольшую дверь за креслами пилотов:

– Сюда. Осторожно, не испачкайтесь.

Они прошли в его жилую каюту. Койка была поднята, и каюта выглядела небольшой комнатой со встроенной в стену кухней и дверью в душевую кабину.

– Есть еще большой грузовой отсек на тысячу кубометров – он внизу.

– Я его уже видела вчера, – сказала Николетта, прошла по комнате и бесцеремонно осмотрела душевую с космическим унитазом, похожим на открытый рыбий рот.

– А где кровать?

– Их две – в каждой стене. Если обе раскрыть, то повернуться будет уже негде.

Джер предусмотрительно открыл вторую кровать, которую он не использовал, – его собственная кровать была сложена незаправленной. Вторая кровать открылась, одновременно надувая свой матрас. Николетта осмотрела узкое ложе и даже села на его торец, проверяя матрас на мягкость.

– Значит, здесь ты и проводишь почти всю свою жизнь?

– Да, мэм.

Раздался голос Энн:

– Могу ли я предложить кому-нибудь кофе, чай или прохладительные напитки?

– Ах да – это твой компьютер, – вспомнила Николетта и спросила у киберы: – Как тебя зовет твой хозяин?

– Он зовет меня Энн и не любит, когда я называю его хозяином.

– Сколько ты с ним летаешь?

– Больше двух лет.

– И как он тебе?

Энн ответила с заметной иронией:

– Как пилот Джер входит в верхние шесть процентов выпускников летной школы. Он также хорошо следит за моим здоровьем – вернее, техническим состоянием корабля.

– А каков он как человек?

Энн удивилась:

– Уточните смысл вопроса. У него нет судимостей и есть друзья, а про все остальное... я не знаю, как измерить человека.

– Разве у вас нет сексуальных отношений? – спросила Николетта.

Джер побагровел как рак, но смолчал, только прошел в ванную и стал отмывать грязные руки, не закрывая дверь.

– Нет, мэм, – ответила, не дрогнув, Энн. – Ничего, кроме легкого флирта. Джер придерживается очень старомодных взглядов на вопросы секса.

Она обратилась к Джеру, который старательно сушил руки под струей горячего воздуха.

– Хозяин, может действительно перейти от слов к делу? Когда мы вернемся на базу, ты можешь пригласить меня на свидание в кабину виртуальной любви – я не откажусь.

– Приглашу и оставлю тебя там, – буркнул Джер. – Мэм, не обращайте внимания на мой компьютер – он... она – большой шутник.

– Она интересная особа, где ты добыл такую эмоциональную программу?

– Это стандартная программа-пилот, но я долго воспитывал ее в таком... ироническом духе.

– Когда мы останемся одни, то непременно выясним, кто кого воспитывал! – мелодично усмехнулась Энн.

– Да, я вижу, тебе тут не скучно! – с удивлением сказала Николетта. – Энн, что за профилактику вы тут проводите?

– Проверяли одну нестабильную цепь, но уже закончили.

– То есть Джеру тут больше делать нечего?

– Забирайте его, пожалуйста, не нужен мне этот грубиян.

Джер прокашлялся:

– Энн не знает всех моих планов. А они у меня большие.

Николетта погрустнела и сказала:

– Прости меня, Джер, я не хотела тебя вчера обидеть...

Джер яростно помотал головой:

– Мэм, то, что случилось с вашими родителями, настолько чудовищно, что ни о каких извинениях не может быть и речи. Но я не мог не сказать вам о том, что никогда не знал своих родителей и вырос в обычном государственном детдоме – только не в земном, а в марсианском. После этого я не мог больше болтаться у вас перед глазами и напоминать собой... о вашей трагедии. Мне было очень приятно побыть в вашем и профессора обществе, но мне пора вернуться в свою социальную нишу. Я забылся, простите меня.

– Ты не виноват в моей беде, – грустно вздохнула Николетта. – Мы завтракали сегодня вдвоем с дедом, и это было мрачно как на кладбище. Пожалуйста, вернись, мне скучно без тебя.

Она положила свою ладошку на его кисть. Рука Николетты была тонкой и красивой. Ладонь Джера – крупной, с плохо отмытыми пятнами смазки и в свежих ссадинах. Контраст был настолько силен, что юноша посмотрел на девушку и сказал:

– Мы очень разные.

– Конечно, – пожала плечами Николетта. – Ты – другой, и это здорово. Мне интересно с тобой. Зови меня, пожалуйста, по имени. Обед через час, мы с бабушкой приглашаем тебя. И возвращайся в свою каюту – там кровать шире и ванная комната лучше. Ну, пожалуйста.

Джер понимал, что такая просьба в устах фюререссы – это нечто невероятное. Фоурам достаточно было просто приказать.

– Спасибо за приглашение, но мне надо принять душ и переодеться, – тихо сказал пилот. Николетта обрадовалась его неявному согласию.

– Я подожду тебя в рубке, мы пока поболтаем с Энн.

Она вышла из каюты, а Джер остался стоять в ошеломлении, глядя на свою трудовую руку, за которую держалась красивейшая, как он сейчас понял, девчонка-фоур. Энн, которая могла присутствовать сразу во всех помещениях курьера, сказала:

– Ты должен на что-то решиться, Джер. На виртуальные свидания ты не ходишь, и даже реальным девушкам приходится тебя тянуть за руку. Не будь букой, пойдись с ней, может, через недельку тебя поцелуют в щечку.

– Ты там не болтай много, распустил я тебя... – проворчал Джер.

Они шли обедать, и Николетта рассказывала о том, что большую часть жизни провела в столице Марса, а весь последний год летает с дедушкой. Учится она заочно, хотя ей больше нравится учиться в реальной школе, сидя среди обычных учеников.

– Расскажи еще что-нибудь из Плутарха, – попросила она.

Джеру это не составляло труда:

– Эретрийцы колонизовали остров Керкиру, а когда Харикрат приплыл с войском из Коринфа и победил их в бою, они сели на корабли и отправились на родину. Однако соотечественники, прослышав о случившемся, не пустили их в Эретрию и не дали сойти на берег, бросая камни из пращей. Не имея возможности ни убедить, ни осилить многочисленных и неумолимых сограждан, бедолаги отплыли во Фракию и заняли там место, где раньше будто бы жил Мефон, предок Орфея, и город свой называли Мефона. А соседи называли переселенцев «испращенными».

– Неудачники никому не нужны! – кивнула Николетта.

Когда они зашли в столовую, профессор как раз доставал из пасти микроволновки первую тарелку. Он посмотрел на часы и довольно кивнул:

– Точно вовремя! Молодцы!

Они сидели за столом и ели вкуснейшую пиццу канцоне. Дедушка посмотрел на Николетту:

– Ну и чем он там занимался?

– Он действительно чинил какую-то электрическую цепь, но жить ему там совсем необязательно.

Профессор кивнул головой и, прищурившись, посмотрел на Джера:

– Что заставило тебя вернуться?

Тот нашелся с ответом:

– Ваша внучка. Она два дня ходила тут в грязном комбинезоне, как серая мышка, и не произвела на меня сильного впечатления. Но когда она пришла умытой и причесанной, в этом шикарном зеленом костюмчике, то меня достаточно было только поманить.

– Да, я его отбила у девушки Энн. Она там флиртовала с ним всю, на свидание приглашала, остроумная такая.

– Девушка Энн? – удивился Мамаев.

Джер пояснил:

– Это штурман моего корабля. У него хороший процессор, и в свободное время я усложнял его эмоциональные реакции.

Николетта хмыкнула:

– Ты бы слышал, как она разговаривает!

Профессор сказал заинтересованно:

– Хочу услышать. Джер, вызови своего штурмана.

Пилот поставил свой переговорник вертикально на стол и позвонил Энн.

– Слушаю тебя, Джер.

– Энн, с тобой хотят познакомиться.

На планшетнике появилось изображение очень красивой девушки. Она оглядела присутствующих и сказала, остановив глаза на профессоре:

– Здравствуйте, профессор Мамаев, мы общались с вами два дня назад.

– Здравствуй, Энн. Мне хвалили твоё остроумие. Как ты оцениваешь сложность своих эмоциональных цепей?

– Профессор, я, конечно, отвечу, но неужели вы хотите лишиться себя удовольствия лично оценить меня?

– Хм, – удивился профессор. – Снимаю свою просьбу. О чем вы говорите с Джером во время полетов?

– Ах, профессор, вы затронули болезненное место в наших взаимоотношениях. Он все свое время проводит перед экраном или в наушниках, читая или слушая очередную книгу. За последний месяц мы общались в среднем восемнадцать минут в день! Скажите ему, чтобы он был повнимательней ко мне!

– Ну, я знаю супружеские пары, которые говорят друг с другом еще меньше, – усмехнулся профессор. – Когда он тебя перепрограммировал?

– Полтора года назад. Мы беседовали по три часа в день! Это был золотой период наших отношений, но он давно закончился.

Профессор обратился к Джеру:

– Ты можешь объяснить, с точки зрения алгоритмики, что ты сделал со своим штурманом? Она действительно прекрасный собеседник!

– О, спасибо за комплимент, профессор! – воскликнула мелодично Энн. – Сразу видно джентльмена старой школы! Не сравнить с нынешней неблагодарной молодежью.

Джер ответил профессору:

– В статье Добинго об искусственном интеллекте была высказана смелая идея о связи фаззи-логики³ и остроумия.

– Я видел эту нашумевшую статью, – кивнул профессор. – Мне понравилось его определение: «Остроумие – это точная ассоциация, умноженная на неожиданность».

– Мне показалось интересным попробовать воплотить в жизнь его идеи для эмоционального общения. Я заставил Энн прокопать всю стандартную библиотеку в миллион томов и выбрать оттуда художественные реплики, которые могут быть ответами на какие-то вопросы. Она насобираала...

– Десять с половиной миллионов таких реплик! – встряла в разговор Энн.

– Что такое «художественная реплика»? – поинтересовалась Николетта.

– Есть информационные реплики: например, я спрашиваю Энн о давлении атмосферы на этой станции. Тут ничего не надо придумывать, а просто ответить – девяносто процентов земной. Но большая часть людских разговоров не связана с передачей конкретной информации. Как сказал Плутарх: «Мы часто задаем вопрос, не нуждаясь в ответе, а стремясь услышать голос другого человека». Я могу просто сказать: «Как я устал! Скорее бы выходной день!» Такая реплика требует художественного ответа, например...

– Перестань киснуть, до отпуска осталось две недели! – сказала Энн.

Николетта хмыкнула:

– Зачем нужно было собирать столько реплик? Я часто слышу длинные разговоры, в которых кто-то из собеседников участвует с единственной сочувственной репликой: «Какой кошмар!»

Джер усмехнулся:

³ От английского термина fuzzy-logic, которым обозначают нечеткую логику или набор нестрогих правил, широко используемых в разработке искусственного интеллекта. Если обычная логика оперирует понятиями «Да» и «Нет», то нечеткая логика использует такие дополнительные понятия, как «Возможно», «Иногда», «Я еще не решил».

– Я не ленивый и написал алгоритм, который позволяет Энн остроумно ответить на любую реплику со стороны человека. Она использует не только имеющиеся заготовки, но и их вариации и различные комбинации на базе стохастической логики. Сначала Энн часто отвечала не впопад, но мы постоянно общались, и я все время улучшал этот алгоритм.

Энн сказала:

– Джер, ты страдаешь комплексом Пигмалиона!

– Сейчас Энн промахивается с ответом не чаще раза в месяц. Если я вижу, как можно улучшить логику и убрать данный сбой, я это делаю.

Девушка с планшета воскликнула:

– Люди, вы заставляете меня чувствовать себя препарированной лягушкой!

– Но эти редкие ошибки уже несущественны – все равно Энн стала очень интересной собеседницей. Я даже невольно очеловечиваю ее, хотя, конечно, в реальности это просто киберштурман с лишним программным приложением.

– Какие же вы все-таки бессердечные, люди! Уйду я от вас, поплачу в своей каморке.

И Энн действительно отключилась. Профессор удивленно покачал головой.

– Джер, ты – просто молодец! Сделать такого собеседника из обычного корабельного штурмана... Когда ты как пилот уйдешь в отставку, то сможешь найти себе работу программиста. Я готов тебе помочь в этом.

Джер покраснел от удовольствия и волнения.

– Спасибо, профессор, я был бы очень рад такой работе.

Профессор кивнул:

– Договорились, Джер. Я рад, что ты пришел: у меня есть к тебе просьба, но я не знаю, как это устроить официально, потому что мне нужен и твой корабль.

Юноша ответил:

– Расскажите в чем дело, профессор, потом решим, что предпринять.

– Для нашего эксперимента нужно установить несколько стандартных гравидатчиков вокруг Юпитера вдоль орбиты Ио. Они нужны для точного определения параметров гравитационного поля самой планеты и ее спутников. Я собирался сделать это сам, но на нас с Витторио навалилась куча дел. Можно поручить это тебе? Ты справишься?

– Полагаю, что – да. Какой тип у датчиков?

– ДжиЭс-189.

Джер вызвал свой корабль.

– Энн, ты знакома с гравидатчиками ДжиЭс-189?

– Да, господин. – Тон Энн был холоден, как льды Европы.

– Они подходят к нашему пусковому устройству для мини-спутников?

– Да, господин.

– Отлично. Не дуйся, а то цвет лица испортишь.

Джер повернулся к профессору:

– Мы сможем разбросать любое количество таких датчиков, даже не надевая скафандров и не выходя наружу. Вы оплатили мое пребывание здесь – в таком случае несложные операции вроде доставки грузов по местной системе входят в перечень моих обязанностей.

– Прекрасно! – обрадовался профессор. – С тобой легко иметь дело – ты нашел решение проблемы за две минуты. Витторио, приготовь оптимальные координаты для гравидатчиков. Давай разбросаем их с запасом – штук тридцать.

– У нас нет датчика-диспетчера для сбора и обработки этой информации, – буркнул Витторио.

– Ну и хирш с ним! – вдруг вступила в разговор Энн. – Я сама обработаю эти данные для вас, милый Витторио!

Милый Витторио от неожиданности вытаращил глаза. Профессор тоже удивился.

- Энн, ты использовала мое любимое ругательство!
- Специально, чтобы сделать вам приятное, Леонардо! – согласилась Энн. – Вы – знаменитость, я о вас многое почерпнула в социальных сетях.
- Энн, ты слишком навязчива и любопытна, – строго сказал Джер.
- Не ругайся, – вступился за Энн профессор. – Мне интересно с ней разговаривать. Уникальная особа! Столько инициативности и неожиданных поступков.
- Ах, профессор, вы – душа! – сказала кокетливо Энн.
- Николетта прыснула от смеха:
- Ну, Джер, ты такую милочку сделал!
- Тот смущенно покраснел:
- Мой алгоритм предполагает столько свободы и стохастических выборов, что я сам часто удивляюсь случайным ответам Энн.
- Ты не прав, Джер, – сказала Энн. – Я – глубоко детерминированная особь.
- Николетта, смеясь, сказала:
- Тебе надо научиться гордо говорить: «Я – приличная девушка!»
- Я запомню эту реплику, – пообещала Энн сладким голоском.

Джер и Николетта летели к Юпитеру по сложной орбите, вычисленной Энн. В определенный момент киберштурман выбрасывал датчик – от Джера требовалось только вставить новый мини-спутник в обойму выбрасывателя. Поэтому им с Николеттой оставалось много времени на разговоры.

– Ты нас здорово удивил своими знаниями о червоточинах, – сказала Николетта. – Неужели тебе интересны все эти пространственно-временные загогулины и закоулки?

– Двигатели малой тяги на кораблях-курьерах работают на энергии реликтового гравитационного излучения. Я заинтересовался этим излучением и прочитал несколько книг по космологии. Оказывается, черные дыры являются взрывчаткой нашего мира – и, когда Вселенная сжимается до размеров в несколько световых лет, эта взрывчатка детонирует: черные дыры сливаются и сбрасывают свою массу в гравитационное излучение. Гравитационная масса Вселенной резко уменьшается, и возникает мощная сила отталкивания, которая раскидывает оставшиеся черные дыры в разные стороны – вместе с протонами и нейтронами, которые образовались при фотодиссоциации⁴ ядер железа и других химических элементов. Кроме черных дыр, в пламени сжатой Вселенной могут уцелеть только нейтронные звезды, представляющие собой атомные ядра в десяток километров с мощной гравитацией. Реликтовые черные дыры и нейтронные звезды становятся темной материей нового космоса, а вокруг самых массивных черных дыр растут галактики, например наш Млечный Путь. В центре Вселенной остается только самая большая черная дыра...

– Мы проходили это в школе. Этот взрыв Вселенной с остатком в виде огромной черной дыры мне показался аналогичным взрыву Сверхновой, в центре которого тоже остается черная дыра.

– Да, очень похоже. Центр Вселенной расположен в направлении созвездия Эридана, и я частенько посматриваю туда, где расположена Большая черная дыра. Она расширяется и в далеком будущем поглотит нас. А пока она растет и растягивает окружающие нас галактики так, что нам кажется, что они расширяются в разные стороны с ускорением.

– Кажется? – удивилась Николетта. – Ведь Вселенная действительно расширяется с ускорением – это обнаружили наблюдатели, и так написано в учебниках!

– Это не совсем так. На самом деле Большая черная дыра растет и тормозит разлет галактик, но мы воспринимаем это как ускорение.

⁴ Расщепление атомного ядра при облучении его фотонами высокой энергии (гамма-квантами).

– Не понимаю!

– Представь себе колонну автомобилей на ночной дороге. Водитель передней машины видит, как огни задних машин отстают от него все больше. Он думает, что это из-за того, что его автомобиль ускоряется. На самом деле это задние автомобили тормозятся из-за роста гравитации Большой Черной Дыры. Абсолютное торможение выражается в относительном ускорении. Когда этот эффект ускоренного разбегания колонны обнаружили, его было психологически проще интерпретировать как ускорение первых машин. Так во многих книжках и осталось – в детали редко кто вникает.

– Но ты же вник... И при таком интеллекте ты работаешь обычным курьером!

– Мне нравится моя работа. Мне пришлось преодолеть немало барьеров, чтобы ее добиться.

Николетта задумчиво сказала:

– Да, в нашей жизни слишком много правил и препятствий...

– Плутарх сказал: «Чем ближе государство к падению, тем многочисленнее его законы».

– Да ты революционер! – усмехнулась Николетта. – Вместе с Плутархом.

Они разбросали все датчики и отправились назад. На обратном пути Джер передал управление кораблем Николетте, сидящей во втором пилотском кресле. Сначала она неловко дернула штурвал и взвизгнула от внезапной боковой перегрузки, но быстро преодолела растерянность и неплохо освоила ручное управление. Заложив последний крутой вираж перед заходом на посадку, девушка вернула управление Джеру и в восторге воскликнула:

– Как здорово! Хорошо, что я напросилась лететь с тобой. Дедушка никогда не доверял мне штурвала.

Джер улыбнулся:

– Взрослые, что они могут понимать в подростках?

Николетта наклонилась над его креслом и неожиданно поцеловала его в щеку:

– Спасибо за сюрприз!

Он ошарашенно потер горящее лицо.

– Энн ошиблась: она спрогнозировала, что поцелуй в щеку будет через неделю.

– Я выдеру у этой ехидны пару пучков проводов. За неимением у нее волос. А что это она молчит?

– Я предложил ей не вступать в наши разговоры. Она не сразу, но согласилась.

– Конечно, такая дамочка ни с чем не должна соглашаться сразу.

Они пришвартовались, но не спешили выходить – до ужина оставалось еще около часа. Джер заглянул на кухню за холодными напитками. Вернувшись, он показал Николетте кубик льда, на котором выросла странная ледяная игла в несколько сантиметров. Внутри игла была полая: тонкий канал пронизывал ее от основания до конца.

– Что это? – спросила Николетта.

– Эффект, известный многим барменам. Такие иглы иногда вырастают на ледяных кубиках, которые замораживаются в ванночке для льда. Это аналог водяного вулканизма на Европе и Энцеладе.

– Да? – удивилась Николетта. – Дай мне самой подумать.

Она стала вертеть в руках тающий кубик, а потом сообразила:

– Я думаю, что такая игла вырастает, когда поверхностный лед на ванночке имеет небольшое отверстие. Лед замерзает внутри пластикового кубика, расширяется и выдавливает в эту дырочку воду – она выходит наружу, застывает и образует ледяной конус. Он растет, и получается высокий вулкан – или иголка, в полости которой поднимается вода из замерзающей ванночки. В местных гейзерах Европы так поднимается вода из-под ледяной коры.

– Правильно. Думаю, что эту иголку можно считать псевдокристаллической структурой, потому что организованная макроструктура иголки связана не с кристаллизацией, а с побочным эффектом замерзания.

– Что такое псевдокристаллическая структура? – поинтересовалась Николетта.

– Это образование, которое похоже на упорядоченный кристалл, но не является им. Например, в агатах есть срединная полость, в которой растут кристаллы аметиста. Я как-то присмотрелся к такой аметистовой друзе в полости агата и увидел, что часть таких кристаллов внутри полые. Фактически такой псевдокристалл образован тонкими поликристаллическими пластинами.

– Как поликристаллические пластины могут образовать кристалл?

– Прекрасный вопрос! Я порылся в информационной Сети и понял, что сначала в полости вырос крупный кристалл. Потом условия кристаллизации изменились – и он покрылся тонкой поликристаллической корочкой другого состава. Условия еще раз изменились – и вода растворила кристалл, оставив более труднорастворимую корочку в качестве пустой скорлупы, которая точно повторяет форму родительского кристалла. Я хотел купить этот агат, но он оказался довольно дорогим – у меня не было столько денег. Поэтому я просто сфотографировал псевдокристалл на память.

– Я тебе подарю такой агат! – сказала она.

– Что-то уж очень ослепительно фортуна улыбается мне, – сказал задумчиво Джер. – Профессор обещает помочь с работой, ты обещаешь завалить подарками. Не к добру это. Где-то этот эйфорический период должен с треском закончиться. А то и с грохотом.

– Пошли ужинать, пессимист! – фыркнула Николетта.

Глава 5

Старая кинохроника

27 января 2252 года

Время для Джера полетело так быстро, что он его перестал замечать. Он завтракал, весело беседуя, вместе с профессором и Николеттой. Иногда к ним присоединялся и Витторио – к завтраку, но не к беседе. Не таковский это был человек. Потом Николетта и Джер отправлялись выполнять какое-нибудь поручение профессора или просто бродить по закоулкам заброшенной станции: вдвоем это делать было совсем нестрашно, а наоборот – очень весело.

Иногда они надевали скафандры и выходили наружу. Они гуляли по равнинам Европы под черным небом с маленьким ослепительным солнцем, заглядывали в глубокие трещины и рассматривали небольшие кратеры, которые еще не успели разгладиться в ледяной толще.

Николетта так хотела еще раз посидеть за штурвалом корабля, что Джер не смог ей отказать и впервые в жизни, нарушив строгие инструкции, отправился в полет без всякой цели и задания. Просто чтобы сделать приятное девушке, в которую влюбился без памяти, хоть и до сих пор боялся в этом признаться даже самому себе.

Николетта попросила:

– Покажи, с каким ускорением ты летел к нам.

– На четырех g, но их лучше переносить в ванне.

– Ну, минута такого ускорения меня не убьет? – поинтересовалась Николетта.

– Нет, – улыбнулся Джер. – Но рекомендую ограничиться двадцатью секундами.

– Соглашаюсь с мнением профессионала! – сказала Николетта и устроилась поудобнее в кресле.

– Энн, устрой нам такое ускорение! – попросил Джер.

Энн ответила:

– Рекомендую линейное нарастание ускорения за десять секунд и пребывание на максимуме в течение еще десяти секунд.

– Хорошо, – согласилась Николетта.

И на них начала наваливаться тяжесть. Ощущение было такое, что на грудь сыплется мокрый песок, вначале затрудняя работу легких, а потом заставляя ребра трещать от тяжести. И когда весь песок высыпался, оказалось, что жить под такой массой песка совершенно невозможно. Нельзя было даже закричать.

Николетта была на грани паники, когда тяжесть вдруг вернулась к обычному одному g, что показалось девушке невесомостью. Она с наслаждением втянула воздух в легкие, а на счастливом выдохе сказала:

– Вот я дура – минуту просила! Она меня убила бы... А ты летел к нам на таком ускорении четыре дня!

– Я все время лежал в противоперегрузочном резервуаре, иначе бы умер в первый же час полета.

– И кто тебя заставил выбрать такую вредную работу? – девушка встала и с трудом сделала несколько шагов.

– Нужда! – беззлобно засмеялся Джер.

– А если бы ты мог выбирать профессию, то чем бы стал заниматься? – поинтересовалась Николетта.

– Я бы стал биологом, который изучает жизнедеятельность клеток. Я много читал про них в популярных книжках по биологии и в учебниках для университетов. Там жизнедеятельность клеток описана очень детально, но эти описания мне не нравились.

– Почему? – спросила Николетта.

– Как бы это объяснить... Представь, что наши астронавты попадают на чужую планету с передовой цивилизацией, которая обогнала нас на тысячи лет. И вот они ходят по инопланетному городу без экскурсовода, и все, что видят вокруг, описывают в своих дневниках. Они рассказывают о том, какие объекты движутся, а какие неподвижны, о том, что что-то летает, а что-то плавает... При этом они совершенно не понимают происходящего: почему эти красные коробки выползают из одного здания и вползают в другое, почему синие шары то увеличиваются в размерах, то уменьшаются. Вот так и биологи описывают происходящее в клетке: всё видят, но ничего не понимают.

Николетта засмеялась и сказала:

– Лучше представить неандертальца, который попал в наш современный город и с изумлением глядит на самолеты, телевизоры, компьютеры и автомобили. Он будет на все смотреть с открытым ртом и с удивлением.

– Да, эта аналогия лучше! – улыбнулся Джер.

Николетта прищурилась, внимательно глядя на юношу.

– Значит, тебя не устраивает простое описание – тебе нужно знать все невидимые причины происходящего, все причины и следствия.

– Да. Это не банальное любопытство. Например, мой приятель по интернату ребенком жил в Африке, в общине моно. Он говорил, что эта община, как и многие вокруг, страдала от малярии и других болезней. Внутри нас – целые полчища микроорганизмов! От одной лишь малярии в Африке и Азии каждый год умирает множество людей – и еще большее число болеет. От этой болезни все еще нет вакцины, и от нее сильно страдают и люди, и экономика бедных стран. Я хотел бы стать исследователем малярии. Эта болезнь вызывается крошечными паразитами, которые забираются в эритроцит – клетку крови – и начинают там размножаться, одновременно перестраивая клетку в удобное для паразитов жилье. В каждом эритроците созревают около дюжины микросуществ. Когда они решают покинуть клетку, то делают так, что в клетке появляется дыра, которая быстро растет, и в результате клетка выворачивается как чулок, выбрасывая выросших паразитов на дальнейший разбой. Как паразиты ухитряются вывернуть клетку наружу? Хорошо бы изучить детальный физический механизм этого феномена...

– Зачем изучать таких гадов? – поморщилась Николетта.

– Если понять механизм происходящего, можно придумать, как разрушить его и прекратить эту цепь размножения паразитов: грубо говоря, можно найти, в какое колесо этого механизма вставить палку. И это позволит создать новое лекарство от малярии. Если клетка не будет выворачиваться – а небольшой процент таких инфицированных эритроцитов встречается, – то паразиты окажутся запертыми в прочном мешке и не смогут выбраться наружу.

– Ты вечно меня удивляешь... – пробормотала Николетта, искоса глядя на Джера. – Ты настолько отличаешься от обычных монопарней... да и на фоуров ты не похож...

– Совсем беда! – улыбнулся Джер.

Николетта, не отводя от него заинтересованных глаз, попросила:

– Ты знаешь много историй. Расскажи мне самую интересную историю... о любви.

– Хм... О любви? Ну что ж... Однажды я сидел в ресторанчике, потягивая пинаколаду. За соседним столом ужинали женщина с девочкой моего возраста – лет четырнадцати-пятнадцати. У девочки был синдром Дауна из-за лишней хромосомы. Но он был выражен слабо, и, видимо, мама отлично занималась дочерью: девочка была хорошо развита, она сама ходила за добавкой и аккуратно ела, только держала вилку не тремя пальцами, а всеми пятью.

– Синдром Дауна? – удивилась Николетта. – Это такая редкость.

– Да, беременные женщины, узнав о таком диагнозе у неродившегося ребенка, обычно избавляются от него задолго до рождения. А если ребенок все же появляется на свет, то госу-

дарство обычно забирает его в спецприют. Этой женщине пришлось немало побороться с системой, чтобы оставить ребенка себе. Было видно, что она любит свою дочь – и та отвечала ей любовью. И я позавидовал этой девочке. Да, она не будет такой умной, как другие дети, она будет чаще болеть и проживет в два раза меньше, чем обычный человек, но проведет свою жизнь в атмосфере любви и заботы. Я почувствовал себя одиноким инопланетянином, который смотрит с завистью на земную любовь.

– Какая грустная и светлая история... – вздохнула Николетта.

Когда Джер и Николетта вернулись на станцию и зашли в кают-компанию, то обнаружили там профессора, который смотрел кинохронику про космическую катастрофу две тысячи тринадцатого года. Диктор говорил:

– Пятнадцатого февраля две тысячи тринадцатого года полукилометровый астероид весом в триста миллионов тонн врезался в уральские горы северо-западнее Челябинска. Взрыв был мощнее всех водородных бомб Земли, вместе взятых. Миллионный город и всё Южноуралье были уничтожены чудовищной ударной волной, а леса сожжены интенсивным излучением. Разрушение крупнейших в мире хранилищ с ядерными отходами вызвало выброс радиоактивных веществ. Сотни тысяч тонн космической и радиоактивной пыли повисли в атмосфере Земли и привели к резкому похолоданию, глобальному неурожаю и массовой гибели людей. Правительства зашатались, и власть во многих странах захватили религиозные фанатики, которые развязали междоусобную войну с применением ядерного и бактериологического оружия. Климат восстановился только через несколько лет, но за это время голод, холод и болезни уничтожили значительную часть населения Земли. Последовавшие войны и так называемый «продовольственный эгоизм» середины двадцать первого века унесли больше жизней, чем сама космическая катастрофа. В истории человеческой цивилизации наступили «столетние сумерки». Лишь в начале двадцать второго века научно-технический прогресс возобновился.

Профессор повернулся к Николетте и Джеру:

– Сейчас будут видеозаписи с военных летающих дронов, которые были запущены в район Челябинска сразу после взрыва.

На экране поплыли пылающие леса и лежащий в руинах город, где большинство зданий было разрушено, а многие строения горели или дымились.

В кадре появилось большое озеро с названием Чебаркуль, как пояснил диктор. Озерный лед метровой толщины был разломан на куски и нагроможден в торосы, между которыми виднелась темная вода. По берегу озера брели двое подростков – юноша и девушка. Юноша хромал, а девушка, одетая в серую куртку и розовую шапку, шла, осторожно придерживая руку, видимо вывихнутую или сломанную. Оптика дрона увеличила фигуры подростков на весь экран. На симпатичных лицах молодых людей лежала серая печать усталости.

Николетта сказала, глядя на экран:

– Тысячу раз видела эту видеозапись и в тысячный раз жаль, что для этих ребят нельзя ничего сделать!

– Эти бедняги давно умерли, – сказал профессор. – Все жители этих мест, кто не погиб от ударной волны в первые минуты взрыва, умерли позже от радиоактивного облучения. На сотни километров вокруг Челябинска радиация была смертельной. Да и другим странам досталось немало этого ядерного яда.

На экране появились схемы разрезов земной коры. Диктор пояснял:

– Удар астероида вызвал не только атмосферные катаклизмы, но и инициировал разрушительные землетрясения по всему земному шару. Больше всего пострадала Япония, которая находится возле зоны субдукции⁵, или погружения тихоокеанской плиты под материковую

⁵ Субдукция – зона, где движущаяся тектоническая плита сталкивается с другой тектонической плитой, опускается под

евразийскую плиту. Землетрясения и подводные оползни вызвали мощные цунами, которые уничтожили Лиссабон и большую часть Лос-Анджелеса. После космической катастрофы активизировались многие вулканы, включая гигантский вулкан Йеллоустоуна. Выбросы вулканического пепла и диоксида серы убили леса и посевы на огромных пространствах и ухудшили состояние земной атмосферы...

Профессор вздохнул, выключил экран и сказал:

– Пойдемте ужинать.

Разговор за столом перебросился на этику.

– Продовольственный эгоизм? – спросила Николетта. – Что это такое?

Профессор сказал:

– Вся мораль человечества сводится к двум основным моделям: эгоизма и альтруизма, то есть своекорыстия и самопожертвования. Например, весь бизнес построен на эгоизме. Такой же принцип лежит и в основе поселковой цивилизации фоуров. Они не делились своим удовольствием со страдающим населением. А могли спасти многих... Этот эгоизм фоуров не нравился моему сыну... Думаю, что именно из-за этого он полюбил девушку из дихтонов и покинул поселение фоуров – ведь дихтонам нельзя там жить...

Профессор вздохнул и закрыл лицо ладонями. Когда он убрал их, то казался постаревшим на десять лет.

– Альтруизм внушают только солдатам, чтобы они могли отдать свою жизнь ради того общества, которое они защищают. Я полагаю, что наука тоже должна быть построена на принципах альтруизма. Это означает, что интересы науки должны ставиться учеными выше собственных интересов. Сейчас же в науке есть две этики: одна – научная, а другая – базарная, или коммерческая, этика, мораль торгашей. Причем последняя доминирует. Редко можно найти ученого, который будет искать истину вопреки собственным интересам. Обычно ее ищут в удобном и хорошо оплачиваемом направлении. И попробуй искать не там, где все!

Профессор даже рассердился:

– Когда человек уверен в своей правоте, он великодушно оставляет место сомнению. Если же он подсознательно чувствует, что живет на фальшивые деньги, то он становится агрессивным и нетерпимым. Он борется с противником с помощью не логических доводов, а закулисных интриг и подметных писем.

Профессор налил в стакан из какой-то пузатой бутылки, сделал большой глоток и пробормотал севшим голосом:

– Семьдесят процентов земного шара занято океанами, а тридцать – дураками... Придумать каждый сможет, а вот вовремя передумать способен только умный.

Профессор вдруг сменил тему:

– Джер, а ты знаешь, как возникли фоуры, дихтоны и триплеты?

– Нет, – удивился Джер. – А разве они были... не всегда?

– Да, эта информация скрывается, насколько это возможно, но ничего сверхсекретного тут нет. Возникновение каст – это результат той самой космической катастрофы две тысячи тринадцатого года. После того как на Земле настали годы холода и голодных бунтов, обычный уклад жизни сломался. Чтобы избежать нападений черни и обеспечить себе привычный комфорт, военные, политики и бизнесмены объединились и поселились в хорошо защищенных поселках...

– Райцентры... – вырвалось у Джера.

– Верно, – согласился профессор. – Так возникла каста фоуров, которые жили гораздо лучше других. Но они, конечно, не могли обойтись без продуктов, одежды и прочего. Поэтому

они окружили свои поселки гораздо более обширной внешней зоной ферм и заводов, где работали...

– Дихтоны... – снова не удержался Джер, который слушал профессора с открытым ртом. Эта история никогда не встречалась в книгах, которые он прочитал.

– Да, – продолжал невозмутимо профессор. – Триплеты возникли как промежуточная каста посредников, которые управляли потоками продуктов и товаров из внешней зоны, держали рестораны в поселке фоуров, а также осуществляли охрану поселка и его внешней зоны.

– А как возникли моно? – не удержался Джер.

– Никак, – пожал плечами профессор. – Класс «моно» – это все, кто не попал в охраняемую зону поселков, то есть девяносто процентов населения Земли. Они выживали как могли, воевали друг с другом за кусок хлеба и глоток чистой воды. Именно они понесли самые тяжелые потери в Голодный Век. Когда климат улучшился, то человечество стало снова развиваться и расти. В это время только фоуры обладали армией, технологиями и ресурсами. Поэтому эта кастовая модель распространилась по всей Земле, а потом – и в космосе. Фоуры, которые составляют доли процента от всего населения Земли, стали правящей кастой, и каждый ее член был обеспечен с рождения. Кастовая система оказалась достаточно устойчивой – и породил ее этот проклятый астероид, ввергший человечество в тяжелое испытание...

Профессор мрачно замолчал и вдруг продолжил:

– Я считаю, что мы не выдержали это испытание космосом. Мы, фоуры, не стали счастливы сами и не сделали счастливыми других.

Профессор налил себе еще одну порцию и залпом выпил. Его лицо покраснело, он с трудом вздохнул и сказал сдавленным голосом.

– Все мы – хоть фоуры, хоть дихтоны – молимся о том, чтобы наши дети были живы и здоровы. И всех нас ожидания обманывают... Смерть отнимает у нас все.

По лицу Николетты пробежала тень. Она встала, подошла к профессору и сказала:

– Дедушка, пойдем, я отведу тебя отдохнуть.

Профессор поднял голову, по его щекам катились слезы.

– Пойдем, моя девочка, ты одна у меня осталась, мое солнышко...

Он положил руку на плечо Николетты, и дед с внучкой вышли не оглядываясь.

Джер ошеломленно смотрел на эту сцену. Он никогда не видел фоура плачущим и почему-то думал, что эти небожители не могут быть несчастными.

«Оказывается, им больно, как и нам...» – был потрясен юноша.

Часть 2

Южный Урал

Глава 6

Челябинск

29 августа 2012 года

Потрепанное асфальтовое шоссе пересекало сосновый бор. На обочине, под желтым жестяным знаком остановки, несколько человек ждали автобуса. Высокомерные сосны протяжно кивали ветру золотыми головокружительными стволами. Веяло густым хвойным ароматом, но потом наплыл мерзкий сигаретный дым и перебил лесные запахи. Длинный лохматый юноша поднял голову, но его глаза не остановились ни на шумящих корабельных соснах, ни на соседе-курильщике: они пристально смотрели куда-то за горизонт, где глаз других людей не замечал ничего интересного. Но юноша видел что-то недоступное чужим взорам.

С другой стороны шоссе шла узкоколейка. Рельсы блестели в лучах августовского солнца, скользящего по вечерней глиссаде. Сначала донесся стук колес по стальным стыкам, а потом показался поезд. И тут же из-за поворота шоссе вынырнул автобус и, размашисто раскачиваясь, подкатил к остановке.

– Идет, идет! – зашевелились люди на обочине, окруженной мачтами уральских сосен. Юноша забрался в автобус и встал на задней площадке, глядя на подходящий к высокой платформе поезд: локомотив, тянущий несколько небольших вагонов. Локомотив был раза в два меньше обычного. На площадке машиниста стоял паренек лет пятнадцати – очень гордый, в форменной фуражке железнодорожника. Миниатюрный поезд медленно подкатил к станции и затормозил.

Паренек с достоинством спустился по крутой лесенке на перрон.

– Какой бравый машинист! – ироничный голос раздался совсем рядом.

Лохматый юноша машинально повернул голову и увидел рядом симпатичную девушку в голубом платье. Она тоже посмотрела на него. Парень никогда не осмеливался заговаривать с девчонками на улице, но тут было гораздо легче – нужно было всего лишь поддержать уже условно начавшийся разговор.

Юноша несмело улыбнулся и сказал:

– Когда мне было лет десять, я завидовал этим пацанам-железнодорожникам с невероятной силой. До сих пор жаль, что мне не пришлось поработать на детской железной дороге.

– Кто мешает тебе стать настоящим взрослым машинистом? – спросила девушка.

– Я уже вырос из своей железнодорожной мечты. Сейчас меня больше интересует астрономия.

– Мне давно советовали посмотреть на детскую железную дорогу – и я убедилась сегодня, что не зря.

– Кто советовал?

– Ну... знакомые железнодорожники.

– Неужели ты сегодня в первый раз ее увидела?

– Да. Я живу не в Челябинске, а в Златоусте. В поселке, на самой его окраине.

– А-а... ты сейчас поедешь домой?

– Ага, вечерним междугородним автобусом.

Они помолчали, покачиваясь в такт с автобусом, который вскоре подкатил к площади Революции. Конечная остановка.

Юноша и девушка вышли из складчатой автобусной двери. Парень сделал заметное усилие над собой и сказал, переводя беседу на другой уровень:

– Меня зовут Кирилл, а тебя?

– Юля.

– Куда ты сейчас?

– На Кировку.

– Юля, можно с тобой за компанию? Заодно расскажешь, чем ты интересуешься.

– Ты интересуешься моими интересами или мной? – усмехнулась девушка.

Кирилл покраснел, но нашелся:

– Я еще не решил!

Они спустились в подземный переход и вышли на другой стороне площади. Юноша поинтересовался:

– Ты приезжала специально посмотреть на бравого машиниста?

– Нет, я была в Южно-Уральском универе, на дне открытых дверей. Я собираюсь поступать туда в следующем году.

– Я тоже заканчиваю школу, – обрадовался Кирилл. – Но буду поступать в МГУ, там готовят астрономов.

– Я сразу поняла, что ты – не от мира сего, – улыбнулась девушка.

– Откуда это видно? – слегка обиделся Кирилл.

– Трудно сказать, но ощущение отчетливое. Например, у тебя глаза не бегают, ты смотришь куда-то вдаль.

– А у других людей глаза бегают?

– Ага, – хихикнула Юля. – Может, что-то ценное или съедобное увидят. Или вдруг подкрадывается враг? Обычный человек всегда находится в состоянии рациональной охоты или иррациональной тревоги. А у тебя, когда ты стоял на остановке, взгляд был отсутствующий.

– Ну... я думал про одно место в учебнике, которое не очень хорошо понимаю. Про темные спектральные линии поглощения и физические условия, при которых они превращаются в яркие эмиссионные линии.

– Вот именно: стоял человек и думал. Не курил, не плевал, не лужгал семечки, не рыскал глазами, не протирал дыру в мобильном телефоне – а думал. Редкое зрелище!

Кирилл смутился:

– Я не знал, что ты за мной наблюдаешь.

– Я часто смотрю на птичек, на цветочки и на странных людей. Хобби у меня такое. Если бы ты не был странным, я бы не назвала тебе свое имя и не шла бы с тобой сейчас.

– Значит, ты изучаешь новый экспонат для своей коллекции странных людей?

– Можно и так сказать, – рассмеялась девушка. Смех у нее был очень красивый. Да и сама Юля нравилась Кириллу все больше и больше.

– Я ведь специально первая реплику подала, чтобы тебе было легче со мной заговорить.

Кирилл остолбенел.

– Специально? Где ты научилась так ловко обращаться с людьми?

– Это из книжки «Как знакомиться с астрономами и прочими странными людьми».

– Кто это написал такую книгу?

– Я ее напишу, когда наберу материала побольше.

– Зачем ты мне так... откровенно все рассказываешь?

– Мне интересна твоя реакция.

– Это своего рода тест?

– Вся жизнь – это тест. Вопрос только, насколько человек это осознает.

– Я уже чувствую себя как на экзамене.

– Это совершенно зря, ведь я не задавала тебе никаких вопросов. Просто ты мне интересен, вот я и разговариваю с тобой. Не напрягайся, оставайся самим собой.

В первый раз в жизни Кирилла девушка призналась, что он ей интересен. Да еще на улице после пятнадцати минут знакомства! Он перевел дух.

– И насколько я тебе интересен?

– Я еще не решила! – ответила она его словами и рассмеялась.

– А что бы ты сделала, если бы я не ответил на твою реплику?

– Ничего. Зачем знакомиться с парнем, инертным как ксенон?

Юля была откровенна и умна, чем поразила Кирилла. С девочками из его класса поговорить о чем-то интеллектуальном, например об астрофизике, было совершенно невозможно. Они сразу начинали зевать и обзывать его занудой. Все, что их интересовало, – сделать удачную фоточку и запостить ее на своем аккаунте в социальной сети, заработав ободряющие улыбки-лайки. В последнее время в сетях воцарилась совсем странная мода, поэтому девушки на свидании, как только находили симпатичный вид, сразу начинали высоко прыгать, как горные козочки, требуя от Кирилла сфотографировать их в полете на фоне воды, леса или хотя бы импортного авто. Они уговаривали юношу стать их сетевым приятелем, а добившись своего – теряли к нему интерес. Ведь социальный статус у него был крайне низкий: у его аккаунта и десятка виртуальных друзей-фолловеров не набиралось. Фоточек он мало постил – вот что. Он даже не любил прыгать горным козлом, зануда.

Юля же внимательно слушала его сбивчивые объяснения о спектральных линиях и о том, как много информации содержится внутри звездного света.

– Ты романтик!

– Астроном обязан быть романтиком. Это непременное условие профпригодности. А ты, наверное, собираешься стать психологом?

– Вовсе нет. Кому на Урале нужны психологи? Суровые челябинцы привыкли лечить психологические травмы самостоятельно, с помощью водочных компрессов. Я собираюсь поступать на архитектурный факультет. Проектировщики зданий всегда будут нужны. Стану в старости ходить по городу и смотреть на здания, которые спроектировала. Если здания будут красивые и удобные, то буду гордиться собой и хвастаться своими творениями перед детьми и внуками. Хочу создавать такие здания, глядя на которые, люди будут восхищенно улыбаться.

Кириллу было так интересно и легко разговаривать с Юлей, что он решил на дальнейший шаг:

– Давай пообедаем в «Цыплятах табака» – это недалеко, возле оперного театра. У меня есть деньги, так что я плачú.

– Хм... и откуда у школьника деньги?

Кирилл покраснел, но ответил без вранья:

– Мне родители подарили на день рождения новый музыкальный центр, а старый я удачно продал – вот и завелась деньжата.

– Достаточно честно заработаны, – согласилась Юля. – А на что ты будешь рассчитывать после ужина? На номер телефона, на поцелуй или на что-то еще?

Юноша еще больше покраснел и сказал нарочито спокойным голосом:

– Просто поужинать в хорошей компании – уже неплохо. Это тоже тест?

– Конечно. Ладно, пошли к цыпляткам.

Кирилл облегченно перевел дух.

Они неспешно шагали по пешеходной Кировке с многочисленными бронзовыми статуями – нищего, поэта, верблюда, которые не высились на постаментах, а сидели и стояли среди людей, создавая ощущение какого-то нового смыслового – или временного? – измерения улицы. Юля сказала:

– Сюрреалистичная Кировка: каждый десятый встречный оказывается не живым, а металлическим существом.

Вдруг девушка взяла Кирилла под руку, отчего его локоть сразу вспотел. Кирилл шел рядом с красивой Юлей и наслаждался завистливыми взглядами проходящих парней и ревниво-внимательными взглядами местных девиц.

– Ты не похожа на обычных девушек, – сказал он.

– Конечно, я ведь не городская, а поселковая девчонка. Во мне бездна деревенского очарования!

Кирилл не выдержал и рассмеялся. Он понял, что не может потерять такую девушку, и спросил:

– Тебя можно поймать в социальных сетях?

– Угу. Человека, который сидит в социальной сети, ловить не надо – он уже на крючке.

Впереди показалась набережная реки Миасс, а из-за угла здания, в котором располагался ресторан, стал выплывать величественный оперный театр с колоннами.

К счастью, очереди к цыплятам не было. Им достался лучший столик возле окна – и Кирилл понял, что сегодня судьба решительно улыбается ему.

Парень-официант принес им по половинке жареного цыпленка, хлеб, минералку и по вазочке фирменной приправы из острой аджики, размешанной в сметане. Уходя, он с любопытством покосился на Юлю, которая своим простым голубым платьем и веселым симпатичным лицом с минимальным количеством косметики резко отличалась от манерных и обильно раскрашенных городских девиц.

Они сидели возле окна, грызли вкусного цыпленка с золотистой корочкой и наблюдали за проходящими за стеклом парами. Юля комментировала:

– Посмотри на парня с девушкой. Они все время разговаривают, улыбаются друг другу и часто смеются. Их руки ничем не заняты. Сразу видно, что они находятся в состоянии начального знакомства. А вот парень и девушка постарше: он несет в руках небольшую этажерку, они идут молча, не разговаривая, лица озабочены. Это уже пара, и у них совместное хозяйство. Они уже добились друг друга – теперь можно и помолчать.

– Оценить, чего же они добились... – вставил реплику Кирилл.

Рядом со стеклом пробрел молодой мужчина с детской коляской и смертельно усталым лицом. Он одной рукой толкал коляску, другой держал возле уха телефон, откуда сыпались какие-то инструкции.

– Следующая фаза семейной жизни! – кивнула на него Юля.

На другой стороне улицы прошествовала пара стариков с выражением безмятежности на лицах. Он опирался на палочку, она держала его под руку.

– А это финальная стадия! – указал на них Кирилл. – Причем эти старики выглядят совершенно счастливыми.

– Они оплатили все долги, им осталась только золотая осень, – задумчиво сказала Юля.

Мимо окна прошли две девушки в боевой раскраске синих тонов, в черных шортах и на красных шпильках, которые были длиннее шорт.

– Ваши городские девицы – такие оторвы, что просто зависть берет! – сказала Юля им вслед и вдруг продекламировала:

Купите лук, зеленый лук,
Петрушку и морковку!
Купите нашу девочку,
Шалунью и плутовку!
Не нужен нам зеленый лук,

Петрушка и морковка.
Нужна нам только девочка,
Шалунья и плутовка!

- Что это? – удивленно спросил Кирилл.
- Стишок из детской книжки, которую мне подарили к началу школы. Это из средневекового шотландского фольклора.
- Это же шуточный стишок? – неуверенно спросил Кирилл.
- Я очень надеюсь на это, – сказала Юля. – Но в детстве он меня пугал.
- Почему ты его сейчас вспомнила? – спросил Кирилл.
- Ума не приложу! – усмехнулась девушка. – Возможно, это окно чем-то напомнило витрину супермаркета.

Внезапно на город напозла синяя туча. Солнце не успело зайти, и хлынувший дождь подсвечивался вечерними лучами.

- Слепой дождь! – воскликнула Юля.

В дождь особенно приятно сидеть за надежным стеклом, вкусно есть и хорошо беседовать. На улице прохожие бежали под зонтиками и прятались по подъездам. Туча заволокла закат, стемнело. Молния сверкнула белым всполохом, и спустя несколько секунд небеса громыхнули.

Кирилл прожевал кусок цыпленка, отхлебнул минералки и спросил:

- Ты веришь в эльфов и духов?
- Уже нет, я не до такой степени оптимистка.
- А зря, потому что сейчас они резвятся совсем недалеко.
- Где же это?

– В грозу мы обычно видим сине-белые молнии, которые бьют вниз, а вот космонавты с орбитальной станции могут видеть, как из грозовой тучи бьют вверх, в космос, красно-фиолетовые молнии – их зовут «красными спрайтами», то есть «красными духами». Там же сверкают «электрические эльфы», а пониже – в стратосфере – «голубые джеты».

- Молнии бьют в космос?

– Да, эти красные молнии сверкают над грозowymi тучами и пробивают всю атмосферу до высоты сто тридцать километров – это уже ионосфера, или космос.

– Здорово! Значит, гроза связана не только с землей, но и с космосом. Теперь я буду смотреть на нее совсем другими глазами.

Юля внимательно смотрела на Кирилла.

– А мальчики из нашего класса очень приземленные, смотрят не на небо, а целятся на завод или депо.

- Значит, тебе с ними скучно?

– Ну что ты! Ничуть. Например, недавно один из наших парней побил другого живым ежом.

- Живым ежом? – ошарашенно рассмеялся Кирилл. – Как же он сумел?

- А он его в авоську положил.

Юноша захохотал и не сразу смог остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.